

№ 1

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

Недѣля войны.

I.

На русскомъ театрѣ.

Съ конца сентября мѣсяца германскія и австрійскія войска предприняли совмѣстныя дѣйствія, одухотворяемая единой идеей наступления на нашу Польшу. Германскія войска дѣйствовавшая въ Восточной Пруссіи, а также въ районѣ Плоцкой губернии, близъ города Млавы, стали входить въ соприкосновение съ германскими войсками силезскаго фронта, и такимъ образомъ получилась одна общая линия германо-австрійскихъ войскъ, идущая отъ Нѣмана до Карпатскихъ горъ, на протяженіи приблизительно около 600 верстъ. Эта линия, занятая войсками нашего противника, составляетъ теперь уже одинъ фронтъ, центръ котораго лежитъ за Вислой, на лѣвомъ ея берегу, а потому всѣ дѣйствія этой вражеской силы носятъ название завислинскихъ операций.

Германское наступление было главнымъ образомъ направлено на фронтъ Варшава—Ивангородъ. причемъ, какъ отмѣтилъ «Русск. Инвалидъ», передовые отряды германцевъ дошли даже до мѣстечка Яблоне, находящагося въ 12-ти верстахъ отъ Варшавы. Однако тутъ они встрѣтили желѣзную щетину нашихъ войскъ, и минувшая недѣля началась переломомъ въ ходѣ германскихъ операций на этомъ фронтѣ. Съ начала недѣли уже обозначились успѣхи нашихъ войскъ, которые стали тѣснить противника по всему фронту, и уже 2-го октября по всей линии предъ Вислой и предъ Саномъ нашъ противникъ перешелъ къ оборонѣ.

Нужно замѣтить, что германцы считаютъ единственно правильнымъ и нормальнымъ способомъ ведения войны наступление. Къ оборонительному способу ведения войны они относятся довольно критически и допускаютъ оборону, какъ исключение, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она необходима вслѣдствіе превосходящихъ силъ противника, какъ задержка въ боѣ до подхода подкрѣпленія, или въ томъ случаѣ, когда они рѣшаютъ частью своихъ войскъ обороняться на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ съ тѣмъ, чтобы другую часть, предназначенную для того, чтобы нанести противнику рѣшительный ударъ, направить въ обходъ одного изъ фланговъ противника. Въ завислинскомъ сраженіи германцы отошли отъ Варшавы и Ивангорода и перешли къ оборонѣ не на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ. Они отошли на эти позиціи, будучи вынуждены нашимъ натискомъ, а также вслѣдствіе недостаточности у нихъ войскъ, причемъ этотъ отходъ сдѣланъ, какъ кажется, съ цѣлью подождать прибытія подкрѣпленія. Однако въ то же время германцы не преминули воспользоваться отходомъ части своихъ силъ для того, чтобы нѣкоторыя другія части ихъ направить въ обходъ нашего крайняго лѣваго фланга. Вотъ съ этими-то войсками, имѣющими задачу обойти нашъ лѣвый флангъ, и ведутся упорные бои къ югу отъ Перемышля.

4-го октября нашими передовыми частями было замѣчено усиленіе австрійскихъ войскъ къ югу отъ Перемышля въ Карпатскихъ проходахъ, въ тѣхъ самыхъ проходахъ, черезъ которые наши войска проникли въ Венгрію. Повидимому австрійскія войска, состоящая главнымъ образомъ изъ частей венгерскаго гонведа, который является чѣмъ-то вродѣ нашего ополченія, стали стягиваться въ районѣ истоковъ Днѣстра и двигаться по направленію къ городу Самбору, лежащему на Днѣстрѣ, къ юго-востоку отъ Перемышля, обнаруживая явное намѣреніе обойти нашъ крайній лѣвый флангъ и зайти намъ въ тылъ. Ввиду того, что это движеніе своевременно было обнаружено нашими передовыми частями, имѣется возможность противодействовать этому замыслу германскаго генеральнаго штаба.

Германцы, ведя наступленіе на Варшаву и Ивангородъ, думали отвлечь наше вниманіе отъ того, что они будутъ предпринимать на своемъ правомъ флангѣ. Они понимали, что Варшава является весьма важнымъ для насъ центромъ, какъ столица Царства Польскаго, а потому рассчитывали, что всѣ наши войска будутъ сосредоточены около Варшавы съ тѣмъ, чтобы не допустить германцевъ до занятія этого города. Поэтому, встрѣтивъ здѣсь упорное съ нашей стороны сопротивленіе, они быстро отступили, считая, что ими выполнена уже задача отвлечения нашего вниманія. Другими словами, выражаясь технически, они произвели демонстрацію противъ Варшавы. То же самое можно сказать и относительно Ивангорода. Это—крѣпость, прикрывающая желѣзнодорожную переправу черезъ Вислу и узелъ желѣзныхъ дорогъ, идущихъ въ одну сторону къ Кѣльцамъ, въ другую—къ Варшавѣ и въ третью—на Люблинъ—Холмъ. Такимъ образомъ германцы, рассчитывая на свой возможный

успѣхъ у Ивангорода, думали захватить наше сообщеніе въ тылу Варшавы и овладѣть переправой на Вислѣ. Но точно такъ же, какъ и у Варшавы, здѣсь они не имѣли въ виду развить свои главныя дѣйствія. Это была попытка быстрымъ налетомъ достигнуть успѣха, а если бы эта попытка удалась, то они готовы были особенно и не настаивать на этомъ, такъ какъ главный ударъ предназначался на нашъ лѣвый флангъ, гдѣ въ настоящее время и назрѣваютъ крупныя событія, которыя по всей вѣроятности разрѣшатся на будущей недѣлѣ. Тотъ или иной исходъ этихъ боевъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ будетъ имѣть весьма существенное значеніе для всего сраженія на лѣвомъ берегу Вислы, въ которомъ участвуютъ миллионныя армии какъ съ одной, такъ и съ другой сторонъ.

II.

На французскомъ театрѣ.

Въ минувшую недѣлю, какъ и въ предшествующую, всѣ событія развѣтывались главнымъ образомъ на лѣвомъ французскомъ флангѣ, гдѣ произошли въ этотъ періодъ два въ высшей степени важныхъ событія. Первымъ является соединеніе бельгійской армии съ французскими войсками. вторымъ—успѣшное продвиженіе французскаго лѣваго крыла до моря, котораго союзники достигли въ районѣ порта и города Нюпортъ, къ юго-западу отъ Остенда. Союзная войска путемъ удлиненія своего лѣваго фланга все время пытались отбросить германцевъ отъ моря. Между тѣмъ германцы, удлиняя свой правый флангъ, въ свою очередь тянулись къ морю и къ соединенію со своими войсками, преслѣдовавшими бельгійскую армию. Въ то же самое время германцы старались продвинуться впередъ между Сантъ-Омеромъ и Азебрукомъ, по направленію къ городу Калэ, расположенному къ западу отъ бельгійской границы, на берегу пролива Па-де-Калэ, противъ англійскаго города Дувра. Такимъ образомъ германцы старались съ двухъ сторонъ овладѣть прибрежной полосой, съ цѣлью грозить отсюда своимъ воздушнымъ флотомъ Англии, устроить здѣсь морскую базу для маневрированія своего главнымъ образомъ подводнаго флота и въ то же время отрѣзать крайнее лѣвое крыло франко-бельгійской армии.

Овладевъ Антверпеномъ, германцы не могли устроить тамъ свою морскую базу, такъ какъ выходъ изъ Антверпена порта закрытъ нейтральной Голландіей. Какъ извѣстно, Антверпенъ лежитъ не у самаго Сѣвернаго моря, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, на рѣкѣ Шельдѣ. Устье же Шельды къ сѣверу отъ Антвергена находится въ Голландіи, которая, какъ нейтральная держава, не допуститъ прохода германскаго флота черезъ Шельду въ море. Ввиду этихъ соображеній германцы рѣшили искать другой базы для своего флота, предназначеннаго дѣйствовать противъ Англии. Такими пунктами, по ихъ мнѣнію, являлись Остенда, Нюпортъ, Дюнкирхенъ и Калэ. Поэтому-то они и направили всѣ свои усилія къ овладѣнію этой именно полосой морскаго побережья.

Но всѣ ихъ попытки овладѣть Нюпортомъ, лежащимъ за рѣкой Изеръ, оказались тщетными. Бельгійская армія энергично отбила всѣ атаки германцевъ, направленные къ овладѣнію переправами черезъ рѣку Изеръ. Бельгійцевъ поддерживали французскія войска, пришедшія къ нимъ на помощь, а также и англійская эскадра, которая съ моря открыла артиллерійскій огонь по германскимъ войскамъ и заставила ихъ отойти. Отбросивъ отъ рѣки Изеръ германцевъ, союзники продвинулись впередъ и овладѣли Остенда. Такимъ образомъ въ теченіе этой минувшей недѣли обозначились серьезныя успѣхи на лѣвомъ флангѣ союзниковъ.

Точно такъ же успѣшны были дѣйствія союзныхъ войскъ по всей линии ихъ расположенія, гдѣ имъ удалось въ разныхъ мѣстахъ фронта съ боемъ продвинуться впередъ. Германцы упорно защищали каждую пядь земли, но тѣмъ не менѣе союзники тѣснили ихъ и продвигались впередъ.

Наибольшій успѣхъ отмѣченъ въ центрѣ, на Краонской возвышенности, къ сѣверо-западу отъ Реймса, гдѣ французскія войска грозятъ прорывомъ германскаго расположенія. На правомъ флангѣ французы продвигаются впередъ по дорогѣ, соединяющей французскую крѣпость Верденъ съ нѣмецкой крѣпостью Мецъ, и тѣснятъ къ востоку германцевъ у Санъ-Миэля, гдѣ германцы однажды неудачно переправились черезъ рѣку Маасъ на лѣвый ея берегъ. Теперь тамъ французскія войска, отбросивъ германцевъ на правый берегъ, упорно ихъ тѣснятъ къ границамъ Германии.

Г. П.

Алексѣй Ремизовъ.

ЗЕМНЫЯ ТАЙНОСТИ.

Народныя сказки *).

I.

Урвина.

Дѣвки устроили съ парнями вечеринку. И началось неладомъ: однѣ дѣвки своихъ парней больше пригласили, что любви имъ были, а тѣхъ не пригласили, которые другимъ были любви, ну, и разошлись другъ на друга. И хоть съ виду и помирились, и пошло, какъ ни въ чемъ, веселье—плясъ и смѣшки, и хихиньки, да въ сердце-то за-таили.

Однѣ дѣвки своимъ парнямъ пѣсни поютъ, другія—своимъ, парни пьютъ да дѣвокъ потчуютъ. А какъ подшпили, ужъ все перемѣшалось, только стонъ стоитъ. И чего-чего не вытворяли, на какія выдумки не пускались, а все будто мало.

Тутъ сердце-то и заговорило: одна обиженная дѣвка и пришепни счастливой, а той—море по-колѣно. Подговорила та свою подругу, одѣлись, да тихонько изъ избы и вышли. И—вѣдь что придумать!—на кладбище пошли дѣвки, вынули тамъ двухъ мертвешевъ изъ общей могилы, завернули мертвешевъ въ рогожки, да на своихъ косахъ и приволокли въ избу, да за печку ихъ и поставили.

А сидѣла на печкѣ дѣвченка Машутка и все видѣла,—испугалась дѣвченка мертвешевъ-то, молчитъ, прижалась въ уголокъ, сердешная.

Дѣвки вошли въ горницу, посмѣиваютъ

ся, а никому и не въ догадъ, что тамъ за печкой какіе такіе гости пожаловали.

Ужъ стали мертвешы пошевеливаться.

— Что, братъ, разогрѣваешься?

— Разогрѣваюсь, братъ.

— И я, братъ, разогрѣваюсь.

Машутка-то на печкѣ не пикнетъ, а вся изба, ей горя нѣтъ, пляшетъ, ой, весело!

Въ самую полночь дѣвка обиженная, что на такое дѣло надоумила, и говоритъ подругамъ счастливымъ:

— Спойте вашимъ молодцамъ пѣсенку, да повеселѣй, плясовую!—сама подмигиваетъ: понимай, какимъ молодцамъ запечнымъ!

Дѣвки и заплѣли пѣсню веселую. И проняла до сердца мертвешевъ пѣсня: мертвешы вдругъ стали огненные, какъ головни горящія. языки высунули, изъ рта пламя пошло, жупель, а сзади вытянулись, стали помахивать собачьи хвосты.

Какъ ихъ въ пѣснѣ-то стали величать, какъ они изъ-за печки-то выскочатъ, да въ горницу, и давай плясать по-своему и кривляться, и ломаться, и кувыркаться, да дѣвокъ и парней лягать, пламенемъ, жупеломъ палить, да за бороду да за косы рвать.

Куда тебѣ и хмель вонъ, ноги подкосились: кто гдѣ стоялъ, такъ тутъ ничкомъ и грохнулся.

А мертвешы, знай, пляшутъ, не могутъ стать—дали имъ волю, и рады бы, не могутъ, пляшутъ—половицы вонъ изъ полу летятъ, посуда прыгаетъ, все въ дребезги, все въ черенки.

* Сборникъ Д. П. Садовникова, №№ 72 и 75.

До пѣтуховъ мертвецы плясали и, какъ заигль пѣтухъ, такъ сквозь землю и провалились, иида земля застонала.

По утру пришелъ народъ, смотрятъ—кто безъ головы, кто безъ руки, кто безъ ноги, кто безъ бороды, кто безъ косы, и всѣ мертвы, а посреди избы—урвина, сама бездонная, дна не достать.

А Машутку сняли съ печки, едва откачали дѣвченку: и! напугалась-то какъ сердешная! Машутка про все и рассказала.

2.

Спрыгъ-трава.

Затѣялъ одинъ дошлый на Ивана-Купалу спрыгъ-траву искать—ивѣтъ купальскій. Известно, сами морголютки неладные и тѣ когда ладно жить съ тобой будутъ!

Вымылся онъ въ банѣ, надѣлъ чистую рубаху, досталъ бѣлый платокъ, да съ платкомъ, какъ стемнѣло, и пошелъ въ лѣсу. И въ лѣсу тамъ на полянѣ очертилъ три круга, разостлалъ подъ папоротникомъ платокъ, присѣлъ, ждетъ, что будетъ.

Вотъ слышитъ, шумъ по лѣсу, трескъ, какіе-то звѣри дерутся, а тамъ стукъ, чего-то дѣлаютъ, и словно земля вся начи-

Въ лазаретѣ.

наегъ кончатся, и вдругъ набѣжалъ вихоръ страшный—приблизилась полночь.

И ровно въ полночь тихо папоротникъ расивѣлъ, какъ звѣздочка.

И стали цвѣтки на платокъ падать, и насыпало много, какъ звѣздочки!

Тутъ зря зѣвать не годится, завязалъ онъ цвѣты въ узелокъ, но только что ступилъ, откуда ни возмись медвѣди, начальство, саблями такъ и машутъ.

— Брось,—кричатъ,—а то голову долой!

И за руки хотятъ схватить.

И вдругъ война началась, такая пошла рѣзня — бѣда! Изъ пушекъ палятъ, раненые валяются.

— Изъ-за тебя проливаемъ кровь! Брось!

И появилась высокая каменная стѣна, и воткнуты въ стѣнѣ копыя прямо предъ глазами, того и гляди, выколютъ глаза. И стала земля проваливаться, и остался онъ на одной кочкѣ. Все водой заливаешь — буря страшная, волны такъ и хлещутъ. Снѣгъ пошелъ.

Тонетъ народъ, кричитъ, просятъ бросить цвѣтокъ.

— А то,—кричатъ,—измаялись наши душеньки!

И вдругъ, видигъ, запылала деревня, и домъ свой видигъ,—горитъ, и какіе-то черные съ крючками топчутъ вокругъ.

— Не пускай! Не пускай его! Пускай горигъ!

А вѣтеръ такъ и воетъ, подкидываетъ бревна, несетъ головни, вся земля горигъ.

Не живъ, не мертвъ, дрожкой дрожитъ, а держигъ узелокъ, не выпускаетъ изъ рукъ — будь, что будетъ! А они, черные, ужь такъ и этакъ стараются достать его: крючки закидываютъ, да не могутъ, — за кругомъ стоять.

И расивѣло. Солнце взошло. Слава Богу, миновалось! Онъ и пошелъ изъ лѣсу, а лѣсъ зеленый, птицы поютъ, — заслушаешься.

Шель, шель, — узелокъ въ рукѣ держать.

Вдругъ слышитъ, позади кто-то ѣдетъ. Оглянулся,—катигъ въ красной рубахѣ и на него, налетѣлъ на него, да какъ жиганетъ со всего маху, узелокъ изъ рукъ и выпалъ.

Смотригъ,—ночь, какъ была ночь. И нѣтъ ничего, одинъ бѣлый платокъ подъ папоротникомъ лежитъ, а самъ онъ, какъ есть мокрый: купальская росная была ночь.

ИОРСКОГІІ

Пыльная завѣса.

Статья **Леонида Галича.**

Когда-то Салтыковъ написалъ:
«Для чего нуженъ Берлинъ?
Берлинъ нуженъ для челоуѣкоубій-
ства».

Это было зло и невѣрно. Или не вполне вѣрно, какъ всякая изреченная мысль. Приговоръ сатирика нашего относится къ 1871-му году. Изъ Берлина, какъ изъ темнаго кратера, текла тогда мертвящая лава на безпечную, нарядную, яркую, трепетавшую отъ сладостныхъ обмановъ жизни Францію. Салтыковъ былъ не только желчный челоуѣкъ, но и художникъ. Конечно онъ не могъ не любить пѣсню, игру, шутку; быть можетъ, какъ редакторъ журнала, онъ требовалъ отъ своихъ сотрудниковъ обязательной серьезности и «тенденции»; но когда серьезность, «тенденция», каменный кулакъ Бисмарка стали угрожать жизни, т. е. прелести разногласия, безпорядка, играющихъ, какъ вино, чувствъ и играющихъ, какъ вино, мыслей—онъ не выдержалъ и проклялъ серьезность:

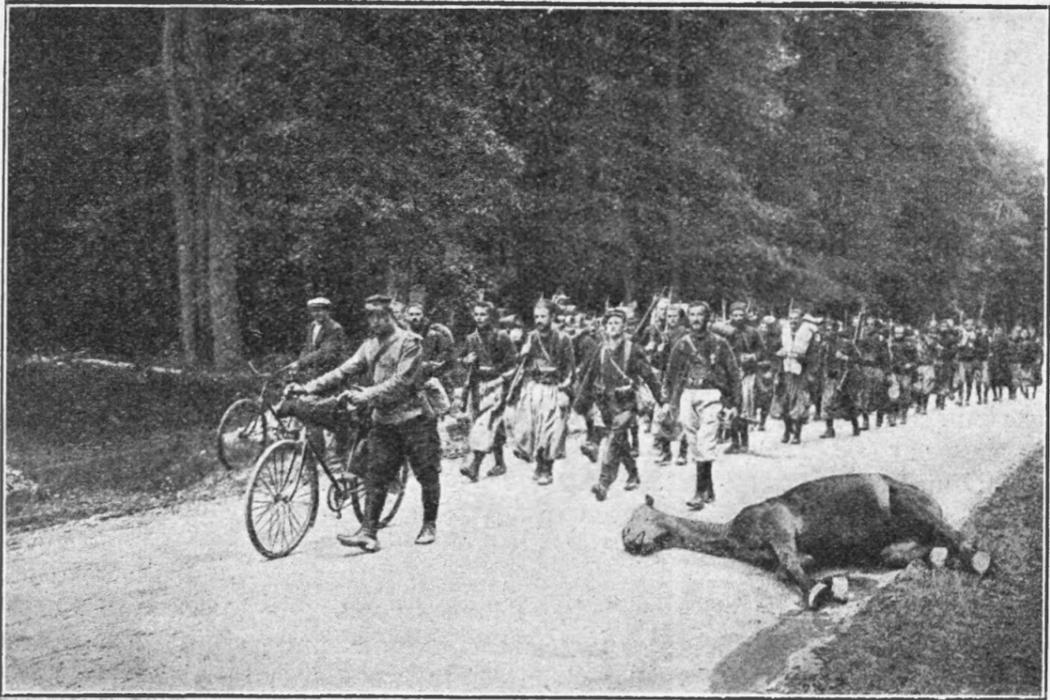
«Для чего нуженъ Берлинъ? Берлинъ нуженъ для челоуѣкоубійства».

А въ это время серьезнѣйшій изъ людей, Бисмаркъ, при помощи нахмуренной рати серьезнѣйшихъ «народныхъ учителей» осаждалъ—и успешно осаждалъ—самый жизнерадостный городъ, самый разногласящій городъ, самый увлекательный городъ.

И все же Салтыковъ былъ неправъ. Надо вспомнить, что его «приговоръ» вынесенъ во время войны. Какъ бывають военно-полевые суды, такъ бываетъ военно-полевая литература. Мы слишкомъ хорошо ее знаемъ. Вотъ хотя бы Анатоля Франса. Въ мирное, нормальное время, кажется, не существуеть писателя, болѣе влюбленнаго въ свѣтотѣни, полутона, оговорки. Быть можетъ, основная особенность его литературной души именно и состоитъ въ томъ, что, гдѣ другимъ рисуется перпендикуляръ или прямая линия, онъ одинъ съ любовью улавливаетъ легонькій наклонъ или еще болѣе легкій изгибъ. Для него—огромная радость разлагать цѣльное и простое съ виду на сложное, запутанно-пестрое, именно въ своей многосоставности интересное и притягивающее. Нынче этотъ сладострастно выслѣживающій отгѣнки художникъ пишетъ:

— Германцы, это—позоръ рода челоуѣческаго.

Подпись: Анатоля Франса. Но почему подъ этимъ военно-полевымъ афоризмомъ вмѣсто автора «Аметистоваго кольца» не могъ бы подписаться репортеръ Рулетабилль или *gentilhomme-cambrioleur* Арсенъ Люпенъ, или наконецъ—просто уважаемая консержка самого Анатоля Франса? Гдѣ здѣсь то, что отличало бы мысль, чувство, наконецъ просто стиль Анатоля Франса отъ мысли, чувства и стиля безчисленныхъ его согражданъ? Гдѣ здѣсь изгибъ, отгѣнокъ, наклонъ? Ничего этого нѣтъ. Ничего этого и не можетъ быть сейчасъ въ созданномъ войной мѣрѣ военно-полевой психологii, военно-полевой философи, военно-полевого писательства.

На франко-германской границѣ

Конечно Салтыковъ зналъ, что не весь Берлинъ «созданъ для челоуѣкоубійства». Вѣдь и Гегель профессорствовалъ въ Берлинѣ, и Шеллингъ тамъ писалъ свою книгу о самофракійскихъ божествахъ, и романтики любили и грезили. Все это Салтыковъ зналъ, но въ условiяхъ военного времени людьми овладѣваетъ забывчивость. Не только память, но и нѣкоторыя другія стороны души съ изумительной поспѣшностью отмирають. Быть можетъ, Салтыкову подумалось, что Гегель, Шеллингъ, философия, романтизмъ—вещи не особенно цѣнные, не особенно необходимы для людей. Подумалось же прусскому генералу, что можно обойтись безъ Лувэна, можно обойтись безъ Реймсскаго собора. Война вообще очень быстро приучаетъ обходиться безъ многоаго. Напримѣръ безъ свѣтотѣней, улыбки, скептицизма, пестроты, яркости, играющихъ, какъ вино, чувствъ и играющихъ, какъ вино, мыслей—словомъ безъ того яда, которымъ былъ пропитанъ Парижъ, когда его старался пристукнуть бронированный кулакъ Бисмарка, очень трезвый, разсудительный и серьезный.

Обошелся и Салтыковъ «безъ отгѣнковъ», выбросивъ изъ головы Гегеля, забывъ о Тикъ, Гейне, Новалисѣ.

* * *

Война объединяетъ людей. Нынче вся Европа, весь мѣръ чувствуютъ одинаково, думаютъ одинаково, пишутъ и говорятъ одинаково. Немыслимо сейчасъ разобрать, что написано какимъ нибудь Метерлинкомъ, что—его корректоромъ и наборщикомъ. Челоуѣчество внезапно слилось до полнѣйшаго духовнаго коммунизма, о которомъ и не грезилось Уитману. Оказалось, что людей отдѣляютъ другъ отъ друга только вещи, въ высшей степени несерьезныя: грация, игра, шутка, тонкiе, не сразу замѣтные, переливы ощущенийъ и мыслей. А внутри, подъ этой радужной паутинкой, всѣ мы—изумительно схожiе, до странности одинаковыя. Пришла война, стерла паутинку. Показались мы круглые, какъ капли, неразличимые, какъ капли, въ бездонный челоуѣчскiй океанъ.

Война—самое демократическое занятiе. Военная психологiя—самая демократическая психологiя. Про-

читайте про отважных ребят, увязавшихся в поход за солдатами. В чем они отстали от взрослых? Посмотрите на внимательных гимназистиков, размещающих разноцветные флажки на картах. Разве же не с той же деловитостью прокалывают военные карты и серьезные газетные публицисты, военные обозреватели? Дети ли сравнились со взрослыми, или взрослые сравнились с детьми? Или, может быть, военная психология принадлежит к числу тех основных и серьезнейших проявлений человеческой или даже млекопитающей природы, которая, как голод и боль, разделяются решительно всеми? И не «Берлин создан для человекоубийства», как когда-то говорил Салтыков, а шире, беспощаднее, заостреннее — целый ярус человеческой психики создан для человекоубийства?

* * *

Наше представление о войне, вообще говоря, скорее количественное, чем качественное, скорее арифметическое, чем психологическое. Пугают цифры раненых и убитых. Действуют на чувствительное воображение так называемые ужасы войны. Но мне кажется, что не число павших и искалеченных должно бы возбуждать страх, а серьезность, окружающая войну.

Современные машины убийства, согласно вычислениям специалистов, могут перебить и перекалечить в нынешней войне приблизительно 25% действующих в ней армий, т. е. около 4½ миллионов в большинстве случаев молодых и здоровых людей. 4½ миллиона! Вот что прежде и сильнее всего врывается в сознание. Мне кажется, что, как тысячи голов сахара неизмеримо больше по весу, чем десяток лежащих в сахарнице кусочков, так страдания миллиона людей составляют большую муку, чем мучения отдельного человека. Но боль остается той же болью, поразила ли она одну душу, или сотни и даже тысячи душ. И страдания отдельного человека ни на каплю не растут оттого, что они с убийственной точностью повторяются еще в 4½ миллионах экземпляров. Один замученный или сотни замученных — это на весах божеских не может составлять разницы.

4½ миллиона! Пожалуй меньше, чем в обычное время умирает ежегодно в Европе одних туберкулезных больных. Немного больше, чем убивает себя на земном шаре затравленных судьбою людей. По сравнению с тяжелыми муками, в которых непрерывно, безвыходно корчится несчастное человечество — ужасы любых войн составляют даже в арифметическом отношении крайне незначительную прибавку. Но здесь драма разыгрывается на подмостках, под громовой аккомпанемент пушек.

Мне мерещится при слове «война» иное. Ведь война, это — осажденный Париж, не только окруженный извне тысячами мрачно-серьезных, деловито и сосредоточенно погруженных в свое человекоубийственное дело людей, но и внутри превращенный в подобие «човекоубийственного Берлина», так же яро ненавистного Салтыкову. Война, это — Анатоль Франс, который вдруг заговорил точь-в-точь таким же языком, как и его консьерж. Война, это — слушание с человечества тончайшего какого-то слоя, какой-то нежной радужной оболочки, без ко-

торой все становятся равными; война, это — прекрасившаяся игра, замолкшая шутка, потерявшая очарование грация, огрубевшее в отблесках мышления, вылитый в бездонное море тонкий яд чувственных и духовных томлений.

Ничего лишнего, никакой роскоши.

Лишь одна торжественно-темная и торжественно-немая серьезность жизненного процесса.

Но можно ли жить одной этой серьезностью? И долго ли можно жить одной ею?

ПОСЫЛКИ

Анатоль Франс и война.

В „Guerre Sociale“ напечатано следующее письмо Анатоля Франса к французскому военному министру, Мильерану: „Турь, 29 сентября 1914 г. Господин Министр.

„Много прекрасных людей находить, что мой стиль ничего не стоит в военное время. Так как они могут быть правы, я перестаю писать и остаюсь без занятий.

„Я уже не очень молод, но я вполне здоров. Сделайте из меня солдата.

„Примите и проч. Анатоль Франс“.

Это письмо останется одним из ярких документов, характеризующих переживаемый нами момент.

Анатоль Франс никогда не любил ни громких фраз, ни пышных жестов, на которые был такой мастер Виктор Гюго.

В подобный же трагический для Франции момент, какой она переживает теперь, во время войны 1870 г., Виктор Гюго в кругу друзей как-то заявил со всем присущим ему самолюбием и самообожанием:

— Я вижу только одно средство для прекращения войны — это выдти, стать пред жерлами прусских пушек, быть убитым, и тогда все будет кончено!

— Конечно... для вас, — заметил один смельчак: — для Виктора Гюго, но не для Франции!

Об этой самовольной фразе Виктора Гюго я слышал от Эмиля Золя и от личного свидетеля этой сцены, историка Теодора Дюрэ, который мне подтвердил рассказ Золя.

Какая разница в отношении к той же самой конъюнктуре события великого поэта XIX века и современного великого прозаика! Анатоль Франс искренне, просто и скромно просит, чтобы его зачислили в армию солдатом.

Многих, знающих Анатоля Франса как идеального общественного деятеля и пацифиста *par excellence*, этот последний жест автора „История Пингвинов“ мог бы удивить. У них еще звенят в ушах строфы его божественной „Оды к свету“, которая так дивно читается прекрасная Вартэ. Они еще полны душевных переживаний, вызываемых в них классической красотой его „Огвита Авины Паллады на молитву над Акрополем“ (Ренана). Они еще не забыли следующих строк обращения-манифеста Анатоля Франса к молодежи:

„Я не думаю — я это говорил часто, — чтобы война была вечной необходимостью для людей. Я желаю, я надеюсь, я предчувствую будущее в мире и согласии между народами равной культуры. Я вас приглашаю, *mes chers camarades*, готовить этот желанный мир. Не вверьте старой поговорке. Ибо на самом деле, если желают мира, то надо и готовить мир. Пусть это будет вашим желанием, молодые наследники цивилизации, которую все народы создали, пусть это будет вашей заботой, пусть это будет вашей задачей“. Работайте для всеобщего мира“ *).

—) Anatole France, Aux Etudiants, éd. Edouard Pelletan, Paris 1910

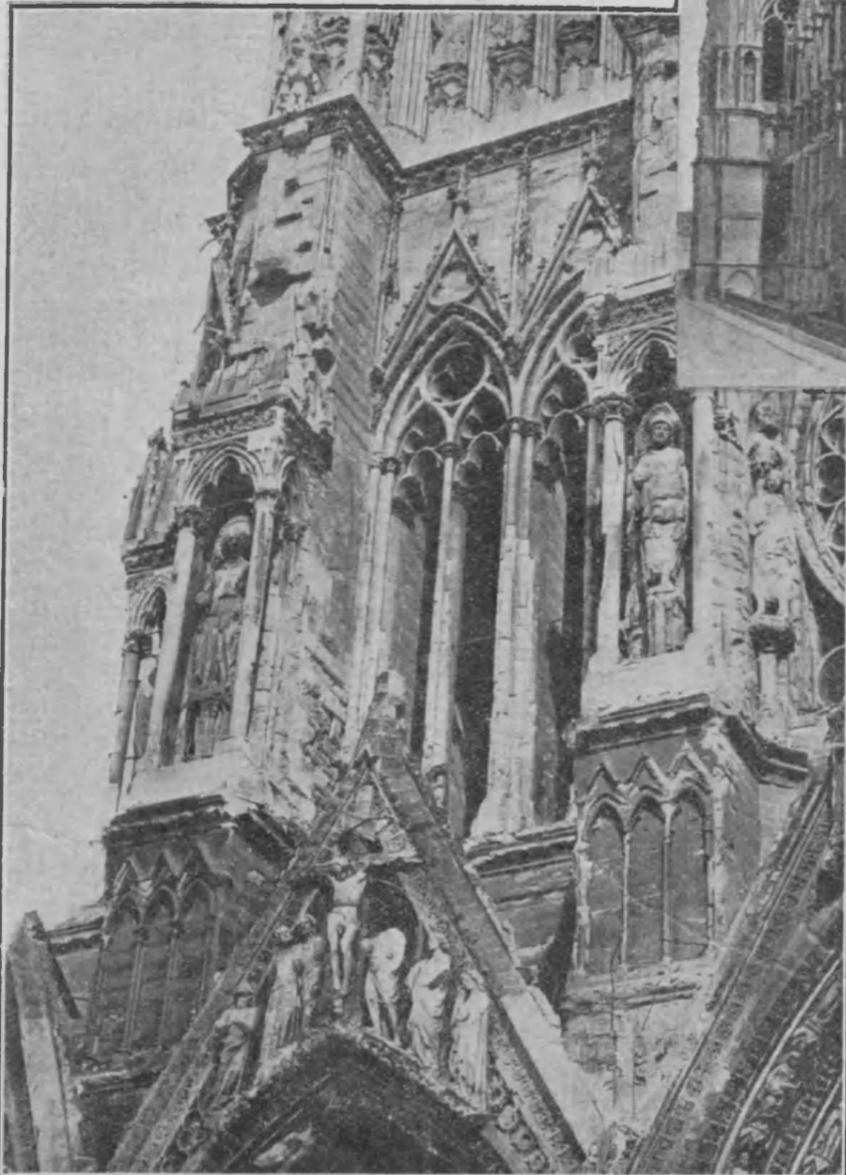
Но какъ и весь цивилизованный миръ, какъ и все культурные люди, какъ и все пацифисты, Ан. Франсъ подъ влияниемъ послѣднихъ дѣяній германцевъ и ихъ вторгшихся въ Бельгию и Францію полчищъ поднять и свой авторитетный голосъ противъ угрожающей всей Европѣ бича. Прежде чѣмъ предложить себя въ солдаты, онъ писалъ о нѣмцахъ:

„Они своими злодѣяніями покрыли себя безсмертной гнусностью (*infamie immortelle*)“.

А въ статьѣ, специально посвященной нашествію германцевъ, Анатоль Франсъ пишетъ:

„Германія, воть уже 40 лѣтъ угрожающая Европѣ, не имѣетъ болѣе рѣшительныхъ, болѣе увѣренныхъ, чѣмъ мы, противниковъ. Мы желаемъ побѣды, мы ея желаемъ энергически. Мы ея желаемъ со всеми ея плодами. Было бы безуміемъ совѣтовать побѣдоносной Франціи заключить непрочный и безплодный миръ. Это было бы неблагодарностью по отношенію къ нашимъ солдатамъ, жертвующимъ своей жизнью для освобожденія отечества отъ чудовищнаго врага и для спасенія Европы отъ варварства“.

И Анатоль Франсъ воздаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ должное арміи:

„Не отвлечемъ нашей мысли отъ нашихъ солдатъ, болѣе великихъ, чѣмъ ихъ великие предки, мужество которыхъ составитъ вѣчное восхищеніе мира. Многие пали; падаютъ они въ ту минуту, какъ я пишу эти строки, и при мысли объ этомъ дрожатъ моя рука.“

Реймскій соборъ до и послѣ бомбардировки.

„И они еще—увы!—будутъ падать. Но зато кровь этихъ молодыхъ людей и слезы ихъ матерей не будутъ напрасны. Изъ нихъ родится побѣда, и это будетъ торжествомъ справедливости и свободы. Побѣда будетъ окончательная, торжество—рѣшительное, ибо мы потребуемъ отъ Германіи всевозмѣщенія, возвратъ всего захваченнаго, все необходимыя гарантіи. Я о себѣ лично не хочу говорить. Что сейчасъ значатъ слова?“.

Франсъ предпочелъ словамъ дѣйствіе и написалъ прошеніе о зачисленіи въ армію.

Е. П. Семеновъ.

Гибель Реймскаго собора.

По дополнительнымъ свѣдѣніямъ общій остовъ Реймскаго собора пострадалъ отъ германской бомбардировки не настолько, какъ опасались вначалѣ (башни на переднемъ фронтонѣ уцѣлѣли, и это уменьшаетъ по первому взгляду картину разрушенія), но все же творенье знаменитаго Робера де Куси приходится считать безповоротно погибшимъ, такъ какъ тонкое кружево наружныхъ скульптурныхъ украшеній раздроблено артиллерійскимъ огнемъ, и фасадъ собора—одна сплошная рана.

Черная кровь.

Стихотворения
Александра Блокъ.

1.

Даже имя твое мнѣ презрѣнно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воеетъ потокъ многопѣнный,
Изъ пустыни подходитъ гроза.

Глазъ молчитъ, золотистый и карій,
Горла тонкіе ищутъ персты..
Подойди. Подползи. Я ударю—
И, какъ кошка, ощерись ты.

2.

Я гляжу на тебя. Каждый демонъ во мнѣ
Притаился, глядитъ.
Каждый демонъ въ тебѣ сторожитъ,
Притаясь въ грозовой тишинѣ..

И вздымается жадная грудь...
Этихъ демоновъ страшныхъ вспугнуть?..
Нѣтъ! Глаза отворотить и не смѣть, и не
смѣть
Въ эту страшную пропасть глядѣть!

3.

Вновь у себя.. Униженъ, золь и радъ.
Ночь, день ли тамъ, въ окнѣ?
Вонъ мѣсяцъ, какъ паяцъ, надъ кровлями
Гримасу корчитъ мнѣ. [громадъ
Дневное солнце—прочь, раскаяніе—прочь!
Кто смѣетъ мнѣ помочь?
Въ опустошенный мозгъ ворвется только
Ворвется только ночь! [ночь,
Въ пустую грудь одинъ, одинъ проникнетъ
Вопьется жадный взглядъ... [взглядъ,
Все отойдетъ навѣкъ, настанетъ «никогда»,
Когда ты скажешь: «Да!».

4.

Испугомъ схвачена, влекома
Въ водоворотъ..
Какъ эта комната знакома:
И все навѣкъ пройдетъ?
И, въ ужасѣ, несвязно шепчетъ
И, скрывъ лицо,
Пугливыхъ рукъ свиваетъ крѣпче
Пѣвучее кольцо...

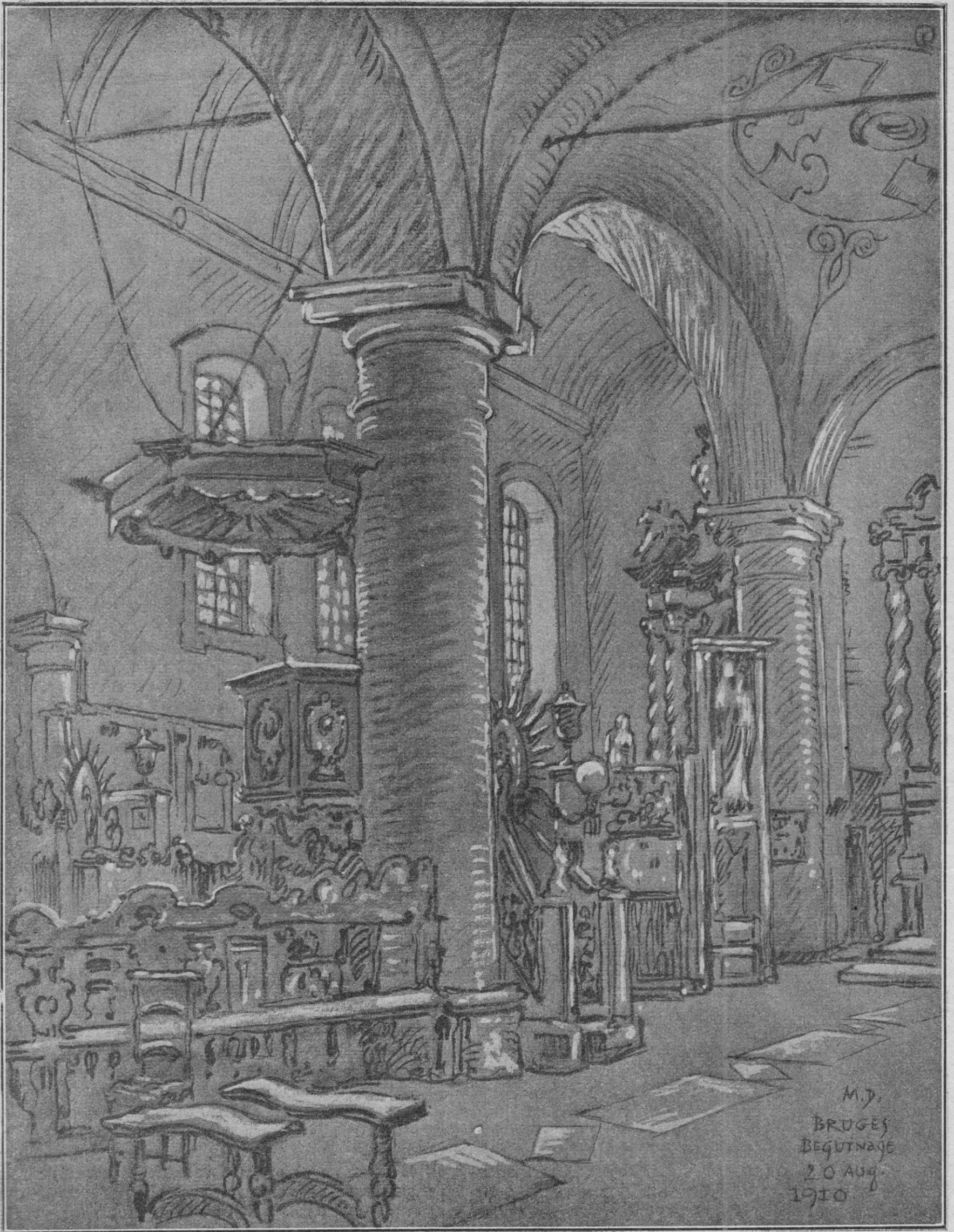
...И утра первый лучъ звенящій
Сквозь желтыхъ шторъ..
И чергитъ Богъ на тѣлѣ сиящей
Свой свѣтовой узоръ.

5.

Ночь, какъ вѣка, и томный трепеть,
И страстный бредъ,
Усть о блаженно-странномъ лепеть,
Въ окнѣ—старинный, слабый свѣтъ.
Несбыточныя увѣренья,
Нѣтъ, не слова,—
То, что теряетъ все значенье,
Забрежжитъ блѣдный день сдва...
О, въ блѣдный день о несказанномъ
Не говори!
Еонъ въ зеркалѣ, еще туманномъ
Отъ блѣдности зари,—смотри:
Во взглядѣ глазъ моихъ—усталомъ—
Твоя въ немъ ложь!
Мой ротъ своимъ извивомъ алымъ
На твой таинственно похожъ!

6.

Я ее побѣдилъ наконецъ!
Я завлекъ ее въ мой дворецъ!
Три свѣчи въ безконечной дали.
Мы въ тяжелыхъ коврахъ, въ пыли.
И подъ смуглымъ огнемъ трехъ свѣчъ
Смуглый бархатъ открытыхъ плечъ,
Буря спутанныхъ косъ, тусклый глазъ,
На кольцѣ—померкшій алмазъ,
И обугленный ротъ въ крови
Еще проситъ пытокъ любви.
А въ провалѣ глухихъ оконъ
Смутный шелестъ многихъ знаменъ,
Звонъ и трубы, и конскій топъ,
И качается тяжкій гробъ.
— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..
— Отгони непонятный страхъ,—
Это кровь прошумѣла въ ушахъ.

Сборъ въ Брюгге (Бельгія). Рисунокъ М. Добужинскаго.

Близокъ вой похоронныхъ трубъ,
Смутенъ вздохъ охладѣвшихъ губъ:
— Мой красавецъ, позоръ мой, бичъ...
Ночь бросаетъ свой мглистый кличъ,
Гаснутъ свѣчи, глаза, слова...
— Ты мертва наконецъ, мертва!
Знаю, выпилъ я кровь твою...
Я кладу тебя въ гробъ и пою,—
Мглистой ночью о нѣжной веснѣ
Будетъ пѣть твоя кровь во мнѣ!

7.

Надъ лучшимъ созданіемъ Божьимъ
Извѣдалъ я силу презрѣнья,
Я палкой ударилъ ее.

Поспѣшно одѣлась. Уходитъ.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизыя окна мои.
И нѣтъ ея. Въ сизыя окна
Вливается вечеръ ненастный,
А дальше, за мракомъ ненастья,
Горитъ заревая кайма.
Далекіе, влажные доли
И близкое, бурное счастье!
Одинъ я стою и внимаю
Тому, что мнѣ скрипки поютъ.
Поютъ онѣ дикія пѣсни
О томъ, что свободнымъ я сталъ,
О томъ, что на лучшую долю
Я низкую страсть промѣнялъ!

ДВѢ КУЛЬТУРЫ.

Статья проф. К. И. Арабажина.

Было время когда антропологическія особенности чело-
вѣческихъ породъ сильно соблазняли ученыхъ-националистовъ
всѣхъ націй къ поспѣшнымъ выводамъ и теоріямъ о духов-
ной природѣ народовъ. И конечно при этомъ всегда оказы-
валось, что лучший антропологическій типъ—у той националь-
ности, къ которой принадлежитъ самъ ученый антропологъ, и,
наоборотъ, враждебные народы оказывались самаго плохого
антропологическаго типа и обрекались на жалкое существо-
ваніе въ исторіи. Одно время нѣмцы думали, что самый лучший
антропологическій типъ—это длинноголовые; но, когда выясни-
лось, что среди нѣмцевъ встрѣчается много и круглоголовыхъ,—
пришлось измѣнять теорію въ пользу и круглоголовыхъ.

Очень популярна была въ свое время теорія польскаго
ученаго Духинскаго, который въ своей ненависти къ „моско-
витамъ“ доказывалъ, что великороссы—туранскаго происхожде-
нія, что у нихъ слишкомъ много финской крови, и отсюда дѣ-
лались необыкновенные выводы о томъ, что именно въ силу
этой „скверной“ примѣси великороссы неспособны усвоить
черты европейской культуры, лишены духа свободы, цѣнять
аргументы налки и сами способны примѣнять къ другимъ
палку и тому подобныя приемы гнета. Конечно великороссы
оказывались совершенно непригодными къ конституціоннымъ
формамъ правленія.

Теоріи Духинскаго въ отношеніи къ культурной и поли-
тической безнадежности великороссовъ нашли своихъ послѣдо-
вателей въ украинской школѣ антропологовъ, съ киевскимъ
проф. В. В. Антоновичемъ во главѣ, утверждавшимъ въ своей
статѣ „Три національныхъ типа“ („Правда“ 1889 г.) и въ
лекціяхъ, что великорусскій типъ—самый безнадежный и
чуждый справедливости, гуманности, жажды свободы. Само
собою разумѣется, что малороссъ („украинецъ“), въ противо-
положность великороссу, обладаетъ всѣми возможными добро-
дѣтелями.

Наивности этихъ теорій теперь не приходится доказывать.
Во-первыхъ,—и это самое главное,—гдѣ доказательства зави-
симости духовной жизни челоуѣка отъ анатомическихъ осо-
бенностей организма и въ частности черепа? Таковыхъ дока-
зательствъ не имѣется совершенно. Но еще болѣе убѣди-

тельны факты дѣйствительности—финны, японцы и всяческіе
туранцы легко усвоили европейскую цивилизацію, обзавелись
конституціонными формами правленія, не плохо орудуютъ
идеями гуманности и братства,—и во всякомъ случаѣ япон-
скія пули оказались гораздо гуманнѣе тѣхъ разрывныхъ пуль,
которыми пользуются въ настоящей мировой войнѣ австрийцы,
въ томъ числѣ и родственные проф. Духинскому полки стрѣль-
цовъ и соколовъ кѣлецкой арміи. Великороссы оказались не
безъ склонности къ конституціи и свободѣ, а о гуманности
русскаго челоуѣка, кажется, теперь не можетъ быть двухъ
мнѣній.

Но всего курьезнѣе въ этихъ „научныхъ“ антропологиче-
скихъ теоріяхъ то, что ученые не позаботились даже
выяснить антропологическую основу характеризуемыхъ ими
национальностей. Въдѣ чистыхъ расъ вовсе нѣтъ. Такъ, украинцы
имѣютъ въ своей славянской крови изрядную долю примѣсей
отъ татаръ, печенѣговъ, тюрковъ, половцовъ, каракалпакъ,
хозарь, евреевъ и др. племенъ. Германцы—наполовину
славяне. Французы—это кельты, галлы и тѣ же германцы.

Ясно, что національный типъ совершенно не совпадаетъ
съ антропологическимъ. Одна и та же нація заключаетъ въ
себѣ много антропологическихъ типовъ или въ чистомъ видѣ,
или въ смѣшеніи ихъ.

Національный типъ—продуктъ историческихъ условій, не-
прерывно мѣняющихся, но все же на извѣстный срокъ вре-
мени подлежащихъ учету и нѣкоторой, весьма впрочемъ осто-
рожной, характеристикѣ. Характеристика національнаго типа
всегда носитъ временный, почти случайный характеръ и мо-
жетъ быть принята только съ большими оговорками.

Я позволю себѣ обратить вниманіе на попытку характе-
ристики двухъ національныхъ типовъ, двухъ національныхъ
культуръ—славянской (въ частности русской) и германской.

Всѣмъ извѣстны историческія условія, въ которыхъ про-
текаетъ жизнь тевтоновъ. Всегда войны, разбои, грабежи.
Исконный Drog nach Osten, куда вопиственныя орды тевто-
новъ шли подъ знаменемъ креста, но несли пожары, смерть,
кровопролитіе и насильничество. Трудно представить себѣ

На перевязкѣ.

ужасы этих нашествий, превращавших цветущія страны въ одно сплошное кладбище. Объ этомъ свидѣлствуютъ нѣмецкіе рассказы Граматика, Самсона, Гельмгорста и др. Недаромъ самое слово Volk (нынѣ народъ) означало то же, что наше—полкъ; недаромъ въ аристократіи у нѣмцевъ выдѣлялось все то, что умѣло *грабить*: нѣмецкое слово—графъ того же корня, что глаголъ greifen (грабить, брать, хватать).

Въ итогѣ—германизация однихъ славянскихъ племенъ и полное уничтоженіе другихъ. Восемнадцать провинцій Пруссіи—славянскія земли, Бранденбургъ—это вѣдь только Браниборъ. Полабы, живущіе на Эльбѣ, ободры—на Одерѣ, венеды, не вымершіе въ XIV—XV вв.,—въ Ганноверѣ (!)—это все славяне, поработанные, приниженыя, потерявшие свой языкъ, подчинившіеся баронской культурѣ господъ завоевателей.

Въ нѣмецкомъ народѣ двѣ націи: одна—прямыхъ потомковъ завоевателей, хищныхъ тевтоновъ, другая—мирныхъ поселянъ-тружениковъ славянской крови.

Сами нѣмцы не отрицаютъ этого славянскаго корня германской націи, и многіе безпристрастные нѣмецкіе ученые (есть вѣдь и такіе—изъ тѣхъ, что не прошли черезъ ковчуги и казармы прусскаго кайзера) доказывали, что славянскіе народы, покоренные нѣмцами, были гораздо культурнѣе и образованнѣе своихъ завоевателей.

Всего любопытнѣе тотъ фактъ, что именно среди нѣмцевъ, первыхъ, явилась попытка характеристики особыхъ національныхъ отличій славянскаго племени, весьма лестной для славянства и положившей начало своеобразной сантиментальной идеализаціи славянства, его души, его нравовъ. Первымъ нѣмцемъ, давшимъ объективное изслѣдованіе о славянствѣ, былъ Антонъ (1773 г.), но настоящимъ апологетомъ славянства, восторженнымъ энтузіастомъ въ отношеніи славянъ является знаменитый Гердеръ въ своемъ трудѣ „Ideen zur

Philosophie der Geschichte der Menschheit“ и въ статьяхъ о народныхъ пѣсняхъ. Гердеръ прямо противопоставляетъ во всемъ славянство германскому миру. Восторженный поклонникъ Негра I и Екатерины II, онъ высоко цѣнитъ русское племя, а по немъ судить и о всѣхъ славянахъ.

Въ противоположность нѣмецкой жестокости, черствому хищничеству и завоевательнымъ тенденціямъ славяне, по мнѣнію Гердера,—воплощеніе гуманнаго начала, трудолюбія, терпѣнія, кротости; такъ какъ, по ученію Гердера, высшая цѣль бытія—достиженіе гуманности, то ясно, что славянамъ должна выпасть въ исторіи человѣчества великая и почетная роль. Щедрые, гостеприимные, поклонники сельской свободы, они ненавидѣли разбой и грабежи. И это конечно не предохраняло ихъ отъ притѣсненій, напротивъ, вело къ нимъ. Они никогда не стремились къ господству надъ міромъ, у нихъ не развилась воинственность; безпримѣрнымъ трудолюбіемъ приводили они свой край въ цветущее состояніе. Они всегда демократичны, не признавали надъ собой власти князей и королей, сословій, сплывы были не въ наступательныхъ, а оборонительныхъ войнахъ, любили поэзію, музыку, пѣсни, а „кто любитъ пѣсни, того Самъ Богъ любитъ“. Гуманнымъ началамъ души соответствуютъ и гуманныя начала ихъ суда, быта, нравовъ.

Въ особенности привлекаетъ Гердера Украина, и онъ думаетъ, что около Кіева возникнетъ единеніе славянъ, создастся цивилизованная нація, а оттуда новая культура, зародившись на Востокѣ, перейдетъ въ Европу, погруженную въ усыпленіе, и подчинитъ ее своему обаянію.

Во всѣхъ этихъ рѣчахъ восторженнаго славянолюба конечно много наивнаго преувеличенія, которое и было впоследствии выяснено научной исторической критикой, но была очевидно немалая доза и правды.

В настоящее время можно вынести с должной фактической состоятельностью, как повлияли мысли Гердера на все славянское возрождение, можно указать год за годом (мы сдѣлаемъ это въ другомъ мѣстѣ), какъ эти мысли проникали въ труды польскихъ, чешскихъ, словенскихъ, малорусскихъ и великорусскихъ ученыхъ. Сурсвецкій, Копитаръ, Шафарикъ, Бодянский, Мицкевичъ, Костомаровъ, московские славянофилы съ ихъ ученіемъ о народѣ—богоносцѣ, христіанствѣ—народѣ,—все это—отражения прежде всего гердеровскихъ настроеній, о которыхъ какъ-то совершенно забыли изъ за шеллингианскихъ и гегельянскихъ вліяній въ славянофильствѣ.

Ученіе о славянскомъ мессіаниззмѣ, зачатое у Гердера, прошло черезъ Мицкевича, Костомарова (о его „Законѣ Божьемъ“ до сихъ поръ не знали) и др. въ московскіе кружки. Здѣсь выработалось цѣнное этическое мировоззрѣніе, которое предшествовало ученію Толстого, получивъ лишь въ великой совѣсти нашего великаго писателя свое окончательное завершеніе. Это—ученіе о внутренней правдѣ, о культурѣ духа, культурѣ совѣсти, въ противоположность культурѣ внѣшней, культурѣ улучшенныхъ политическихъ формъ на почвѣ юридической свободы и правопорядка.

Западники были противъ этой „внутренней“ культуры. Когда имъ говорилъ К. Аксаковъ, что русскій народъ предоставилъ власти всю силу власти, а себѣ сохранилъ только всю силу свободнаго слова и совѣсти, они (западники) справедливо возмущались такимъ отреченіемъ отъ общественныхъ идей и борьбы за политическую свободу. Они конечно были правы, отстаивая значеніе политическихъ и правовыхъ формъ быта. Но они ошибались, когда видѣли только въ нихъ панацею отъ всѣхъ бѣдъ и единственное условіе народнаго счастья. Истина посреднѣй: нужны и то, и другое—и культурѣ формъ, и культура духа, совѣсти.

Наше общественное движеніе, въ своихъ революционныхъ кружкахъ отстававшее только смѣну старыхъ политическихъ формъ болѣе современными, дошло до признанія принципа оправданія всѣхъ средствъ и до азефовщины, какъ послѣдняго конца аморальности.

Необходимое оздоровленіе жизни—теперь это ясно—идеть и черезъ культуру совѣсти, о которой мы слишкомъ мало думаемъ, несмотря на свое внѣшнее преклоненіе предъ Толстымъ.

Но народъ, простой русскій народъ этого не забывалъ. Русскій народъ всегда стоитъ своего гения-философа. Великія горы не растутъ на болотахъ, а только на возвышенностяхъ. Великъ Толстой величіемъ своего народа.

И не случайно на вершинахъ нѣмецкой мысли возли такія свѣтла, какъ Марксъ, Ницше, съ ихъ проповѣдью силы, реального соотношенія силы, сверхчеловѣка, идущаго къ счастью по трунамъ, а у насъ въ лицѣ великаго писателя земли русской загорѣлась звѣзда любви и гуманности. И народъ, еще недавно спасшій въ лицѣ своихъ темныхъ представителей тамъ, въ Кіевѣ, честь нашего правосудія и нашей совѣсти, достоинъ своего великаго писателя, ставшаго совѣстью всего человѣчества.

Есть очевидно культура и культура, и очевидно народы исторически воспитываются во власти той или другой культуры, хотя конечно не могутъ быть чужды и власти другой культуры.

Нѣмецкій народъ имѣлъ несчастье быть воспитаннымъ хищниками-баронами, тѣми самыми, потомки которыхъ создали юнкерство въ Германіи и остзейскихъ помѣщиковъ, такъ безжалостно расправляющихся съ эстами и латышами. Онъ воспитанъ—увы!—въ казармахъ и конюшняхъ кайзера, на фабрикахъ современныхъ герцоговъ и бароновъ-хищниковъ, прославившихся гнусными жестокостями въ своихъ восточныхъ африканскихъ колоніяхъ; и отъ этого юнкерскаго

и промышленнаго вліянія не ушла даже нѣмецкая социаль-демократія, выросшая въ привилегированныхъ условіяхъ хорошаго заработка, оплачиваемаго потомъ и кровью колониальныхъ рабовъ и данниковъ жестокой и безсовѣстной нѣмецкой промышленности. Народъ усвоилъ временно психологию своихъ господъ.

Отличіе культуры рѣзко замѣтно въ народной поэзии, этомъ высшемъ цвѣтеніи народной души.

Не случайно у нѣмцевъ народный эпосъ—Нибелунгъ—залитъ кровью, дышитъ злобой и ненавистью, въ то время какъ у насъ любимымъ героемъ народной былинны изъ *многихъ* богатырей является *единственно* Илья Муромецъ, который не мыслитъ зломъ и за татарина, только въ крайнемъ случаѣ прибѣгаетъ къ силѣ, великодушенъ съ врагомъ, простъ и скромнѣе въ своемъ великомъ стояніи за землю русскую.

Тамъ Ницше—тутъ Толстой.

Тамъ войны—тутъ миръ.

Тамъ апофеозъ материализма—тутъ попытки культуры совѣсти.

Тамъ грандіозное колониальное хищничество—тутъ все еще земледѣльческое большинство.

Не чуждъ и русскій народъ возможности измѣнить автамъ культуры. Если бы и въ его жизни закрѣпились навсегда *прусскія* формы управленія, то одичалъ бы и ожесточился бы наконецъ и русскій народъ. Дастъ Богъ, пришелъ конецъ прусскимъ правамъ въ цѣломъ мірѣ! Недаромъ славянскія своей культурой народы объединились въ борьбѣ съ чудовищемъ прусскаго милитаризма.

Пока что, мы можемъ гордиться культурой нашего народа и вѣрить въ нее.

Великодушіе и доброта въ отношеніи къ побѣжденному противнику, незлобивость къ поверженному врагу, мягкое отношеніе къ раненымъ, къ мирному населенію, это—все факты, которыми восхищается теперь весь цивилизованный міръ. Мы уже приходилось въ другомъ мѣстѣ цитировать факты, которыхъ свидѣтелемъ я самъ былъ во время своей поѣздки по Россіи и которые подтверждаютъ все вышесказанное.

Приходилось видѣть прямо удивительныя сцены, напримѣръ во время подхода поѣзда съ нашими и плѣнными ранеными. Сколько доброты и терпимости въ русскомъ человѣкѣ! Простыя бабы несутъ яблоки своимъ и чужимъ. Жалко вѣдь и чужого и баба одѣляетъ русскаго солдатика двумя яблоками, а чужого... однимъ: все-же чужой; а вовсе не дать—жалко.

Солдатики выводятъ изъ вагона раненыхъ австріяковъ и просятъ:

— Сестрица, и ему чаю дайте, онъ еще не пилъ.

Раненый казакъ стлкнувается при выходѣ изъ вагона съ австріякомъ и узнаетъ въ немъ того, кто нанесъ ему рану изъ ружья. Казакъ въ восторгѣ:

— Давай подѣлуемся,—кричитъ онъ врагу и крѣпко прижимаетъ его къ своей груди.—Постой,—вспоминаетъ онъ,—тутъ, можетъ, есть и такіе, которыхъ я ранилъ.— Казакъ бѣжитъ по вагонамъ, чтобы найти жертвъ и своей удали. Ихъ не оказывается, но одинъ вагонъ сплошь наполненъ австріяками, и казакъ рѣшается ѣхать дальше вмѣстѣ съ ними.—Они вѣдь ничего не понимаютъ по-русски, такъ я за нихъ все расскажу и объясню на станціяхъ.

Все та же психология незлобности и благожелательства, о которыхъ мы помнимъ еще по севастопольскимъ рассказамъ Толстого! Народъ не измѣнился, не озвѣрѣлъ. Въ этой войнѣ онъ доказалъ, что есть двѣ культуры—внѣшняя, сильная своей техникой, и культура души, культура совѣсти... наша культура.

И такъ хочется, чтобы послѣ войны пали прусскіе приемы господства и этой нашей культурѣ данъ былъ широкій просторъ и выходъ для счастливаго и мудраго строительства новой жизни.

Они шли...
Они шли по опустошенной землѣ, безъ дорогъ, по тропинкамъ, канавамъ и прямо по вытоптанымъ, изрытымъ полямъ, по грязи и лужамъ.

То въ лицо, то сбоку дулъ холодный, злой вѣтеръ.

Низкія тучи кропили ихъ мелкимъ, тяжелымъ дождемъ.

Какъ не было солнца надъ несчастными ихъ головами, такъ не было цѣли въ ихъ торопливой ходьбѣ, похожей на бѣгство. Они бѣжали-бъ, если-бъ хватило силъ; они летѣли-бъ, если-бъ крылья были. Но, куда они стремятся, они не знали. Быть можетъ, кружились они по кругу и не замѣчали этого въ отчаяньѣ своемъ.

Они шли впятеромъ.

Впереди шелъ отецъ, безъ шапки, въ пальто въ накидку, какъ всегда носилъ онъ, когда торопился куда нибудь.

Вѣтеръ развѣвалъ ему мокрые волосы и трепалъ о спину его длинные рукава пальто.

Отецъ часто оглядывался, пригибая голову къ плечамъ, прислушивался и останавливался.

Тогда останавливались всѣ и ждали, когда отецъ рѣшитъ, что можно идти дальше.

За отцомъ, на нѣкоторомъ разстояніи, шла мать. Голова ея была повязана платкомъ. На спинѣ она несла полотняный мѣшокъ, ставшій совсѣмъ грязнымъ оттого, что на каждой остановкѣ она опускала его на землю.

За матерью, взявшись за руки, шли дѣти, Янъ и Стася.

А сзади плелась бабушка.

Если-бъ Янъ не оглядывался и не звалъ

ея ежеминутно ручкой, она давно-бъ отстала и сложила свои старыя кости. Но маленькій Янъ такъ укоризненно манилъ ее ручкой, что откуда-то брались еще силы идти.

Взрослые шли молча. Изрѣдка отецъ говорилъ что-то матери, да бабушка выкрикивала отдѣльныя слова своихъ молитвъ.

Стася тоже старалась молчать, какъ большая. Ей было ужъ девятый годъ. Она то укутывала свою куклу, то поправляла платокъ на шеѣ Яна.

Но Яну хотѣлось разговаривать, спрашивать, разузнавать. Со всей страстностью, свойственной шестилѣтнему уму, онъ хотѣлъ узнать все точно, немедленно и подробно.

Онъ зналъ, что это—война.

Онъ отчетливо замѣтилъ и запомнилъ все, что произошло со вчерашняго дня, запомнилъ вмѣстѣ со своими дѣтскими дѣлами.

Это было утромъ. Онъ стоялъ и разсматривалъ большую грущу, которую отецъ только что подвязалъ тряпкой, чтобъ она не упала отъ тяжести и дозрѣла.

Именно это и хотѣлось подмѣтить Яну,—какъ груша будетъ дозрѣвать.

Это было послѣднее его впечатлѣніе до войны.

До этого онъ слышалъ про войну и представлялъ себѣ ее, какъ много-много веселыхъ солдатъ.

До этого онъ не замѣчалъ тревоги, которая шла отъ мѣстечка къ мѣстечку и дошла наконецъ до усадьбы, арендуемой отцомъ, заставивъ въ одну ночь разоѣжаться всѣхъ слугъ.

Отецъ былъ упрямъ, говорилъ что онъ не уйдетъ, и продолжалъ хозяйничать.

Правда, Янъ замѣтилъ, что у отца, когда онъ подвязывалъ грушу, сильно дрожали руки. Но Янъ подумать не могъ, что это отъ войны.

И вотъ, когда онъ стоялъ и разсматривалъ грушу, вдругъ началась для него война. Вся дрожь, подбѣжала къ нему Стася и стала надѣвать на него свою шубу.

У Яна еще не было своей, ему собирались шить.

Янъ заупрямился: развѣ можно мальчику дѣвочкину шубу носить?

Но сестра вмѣсто того, чтобъ уступить, ударила его слегка по затылку и закричала:

— Надѣвай сейчасъ же, или нѣмецъ придетъ и тебя убьетъ!

Янъ присмирѣлъ.

Путаясь въ полахъ, онъ побѣжалъ за сестрой въ домъ. Тамъ мать бѣгала, то кидаясь укладывать вещи, то со слезами заламывая руки. Отецъ силой стаскивалъ бабку съ ея сундука, на который она сѣла, не желая сходить.

Янъ еще больше присмирѣлъ, но не испугался. Онъ захотѣлъ тоже быть полезнымъ. Онъ подошелъ къ отцу и серьезнымъ шепотомъ спросилъ:

— Война?

Отецъ схватилъ его на руки и сталъ цѣ-

ловать, ничего не объясняя. Черезъ нѣсколько минутъ они всѣ уже были въ полѣ и шли, шли, точно такъ же, какъ теперь, на другой день послѣ ухода изъ дома.

Вчера идти было лучше: не болѣли еще ноги, не было дождя, дорога была легчае, главное, не торопились такъ.

Похоже было на далекую прогулку.

На остановкахъ мать доставала изъ мѣшка припасы; закусывали и шли дальше. Ночевка въ лѣсу тоже понравилась Яну. Но съ утра пошло все хуже.

Проснулся Янъ до зари, отъ холода.

Чуть разсвѣло, тронулись въ путь.

Отецъ сказалъ, что къ полудню придутъ въ какое-то мѣстечко, названіе котораго Янъ услышалъ въ первый разъ, и что нужно торопиться, потому что вчера совсемъ мало прошли.

И вотъ идутъ они полями.

Янъ и не думалъ, что земля такая большая. Янъ и не думалъ, что война—такая гадость: идти безъ конца въ мокрыхъ сапогахъ. Случись это въ прошломъ году, Янъ бы заплакалъ. Но теперь ему шесть лѣтъ, онъ скоро большимъ будетъ.

Янъ идетъ, смотритъ и думаетъ.

Высокій отецъ съ развѣвающимися рукавами немножко похожъ на вѣтряную мельницу.

Мама въ платкѣ, съ мѣшкомъ на спинѣ, кажется совсемъ чужою бабой.

Бѣдная Стася! Ей будетъ очень обидно, если дождикъ размочитъ ея куклу. Она ее кутаетъ и прячетъ, но дождикъ такой мелкій, что всюду пробирается, и за шиворотъ, и въ уши.

Сильно беспокоитъ Яна бабушка. Отецъ съ матерью какъ будто забыли про нее. Очень странные глаза у нея стали: бѣгаютъ по сторонамъ и какъ будто ничего не видятъ. И молитвы она путаетъ, не тѣ слова говоритъ. Янъ твердо знаетъ молитвы. Что это съ бабушкой?

— Стася!—говоритъ Янъ:—знаешь, какъ нѣмцевъ перебить? Я придумалъ.

— Какъ? — недовѣрчиво спрашиваетъ Стася.

— Наѣхать на нихъ моторомъ и передать всѣхъ!

У Яна разгораются глазки. Но Стася не увлекается его выдумкой. Мрачно хмури бровки, она отвѣчаетъ:

— Ихъ много.

— Или,—продолжаетъ Янъ,—подманить ихъ куда нибудь въ лѣсокъ, выскочитъ убить.

И Янъ подскакиваетъ на кочкѣ, протягивая кулачки.

— Стася,—говоритъ онъ:— почему ты взяла эту куклу, а не фарфоровую?

— Стася! А пана Яблоцкаго убьютъ или не убьютъ?

— Стася! А нѣмцы какіе?

Вопросовъ у него больше, чѣмъ капелекъ у дождя, но что же дѣлать, если Стася не отвѣчаетъ!

Видно, сама не знаетъ.

Но что это? Громъ?

Для грома слишкомъ долго, развѣ бываетъ осенью гроза?

— Стася!—робко спрашиваетъ Янъ:— что это?

Стася прислушивается.

Она такого никогда не слыхала.

Отецъ тоже остановился. Мать подошла къ нему. Разговариваютъ.

А похожее на громъ опять слышно.

И кажется еще Яну, что надъ самой землей по небу летаютъ бѣлые облака, какія только въ самую хорошую погоду бываютъ въ синемъ небѣ.

Но онъ ужъ не спрашиваетъ, что это. Все равно не отвѣтятъ.

И вдругъ лицо его озаряется улыбкой. Онъ самъ догадался:

— Стася! Да это же пушки! Слышишь — палить, и идишь—дымъ!

Онъ смеетъ, потому что догадался, а Стася нахмурилась больше прежняго.

— Я боюсь,—плаксиво говоритъ она.

— Нѣтъ, ты не бойся!—утѣшаетъ Янъ:— это же пушки, увѣрю тебя. Простыя пушки для войны. Такія же, какъ моя, которую панъ Яблоцкій подарилъ, только большія.

И со сверкающими глазами бѣжитъ Янъ сообщать отцу новость. Стася—дѣвченка, она не понимаетъ.

Но что это съ отцомъ?

Совсѣмъ какъ мать предъ уходомъ, онъ заламываетъ руки и кричитъ глухимъ голосомъ:

— Куда же идти, куда же идти?

Какъ куда идти? Куда хочешь,—думаетъ Янъ,—а лучше бы всего на дымокъ, откуда пальба слышится.

Но отецъ повидимому не согласенъ съ этимъ. Взмахнувъ руками, онъ поворачиваетъ вбокъ. Теперь мѣшокъ несетъ онъ, а мать хватается за руки Яна и Стасю.

И спѣшатъ куда-то больше прежняго.

Бабушка отстаетъ и отстаетъ. Вѣтеръ теперь въ спину дуетъ и доноситъ ея слова, непонятно, какія.

Яну трудно идти.

— Мама, сядемъ,—говоритъ онъ.

Какъ безумная, мать тащитъ дѣтей за собой, и болтается въ рукѣ у Стаси мокрая кукла: одной рукой не уберечь отъ дождя.

Отецъ далеко впереди, бабка далеко позади.

— Мама! Куда ты смотришь?—спрашиваетъ Янъ:—смотри лучше подъ ноги, а то мы въ грязь попадаемъ.

Не слышитъ мать, ведетъ дѣтей.

— Мама!—опять зоветъ Янъ:—папа знакомаго встрѣтилъ, только я его не знаю, онъ къ намъ не приходилъ.

Дѣйствительно, откуда-то взялся и подошелъ къ отцу человекъ,

вѣкъ, совсѣмъ

мокрый и

грязный.

Смѣшно съ

него

капала вода.

Онъ навѣрно оттуда, гдѣ пушки, и много можетъ рассказать интереснаго.

Янъ тянетъ мать за руку, чтобъ подойти ближе, но мать стала, какъ вкопанная; а мокрый человекъ и отецъ подбѣгаютъ ближе. Мокрый человекъ—еврей. Янъ это видитъ и удивляется, что отецъ съ нимъ такъ ласково разговариваетъ. Вотъ что значитъ война! И еврей панами стали!

Всѣ сбились въ кучу. Еврей что-то рассказываетъ. Глаза у него такіе же, какъ у бабушки. Недавно у Стаси разбилась кукла,—такіе-жъ страшные глаза у нея были. Но что это еврей рассказываетъ? И въ ту сторону нельзя идти? Надо идти назадъ? Спрятаться въ лѣсу? И опять надо спѣшить?

Должно быть, надо, потому что мать беретъ Яна на руки, отецъ подъ-руку та-

щить бабушку, а еврей, мокрый, чужой еврей берет и несет Стасю, и Стася даже не вырывается. Должно быть, надо торопиться, но почему же это?

Обхватив рученками шею матери, Янъ разсматриваетъ ея лицо. Что съ нимъ случилось? Никогда не было на немъ такихъ морщинъ и складокъ, никогда не было оно такимъ желтымъ.

— Мама, мы скоро придемъ?

— Молчи, Янъ, молчи! Только-бъ до лѣсу добѣжать!—шепчетъ мать.

Навѣрно въ лѣсу будетъ домикъ и можно будетъ переночевать въ немъ.

— Мама, теперь день?—спрашиваетъ Янъ.

Мать ничего не отвѣчаетъ, спѣшитъ. Яну видны ея мокрыя ноги и мокрый, подсушенный подолъ.

А пушки все палятъ и дымъ видный становится. Янъ не боится. Онъ лашетъ ручкой сестрѣ, которую несетъ чужой еврей. Стася не отвѣчаетъ.

Добѣжали до лѣса, выбрали мѣсто поглуше, сѣли; только начали разговоръ, и вдругъ мать кинулась на колѣна предъ отцомъ, кричитъ ему:

— Не уходи, не уходи!

Куда хочешь уйти папа? Сердце дрогнуло у Яна, и слезы градомъ пока ались изъ глазъ.

— Не уходи!—кричитъ и онъ.

— Надо выйти на ту опушку и посмотреть,—говоритъ отецъ:— будь благоразумной.

Онъ долго совѣтуется съ евреемъ, потомъ они идутъ въ разные стороны.

— Мы сейчасъ вернемся!—говоритъ отецъ на прощанье, и еще долго видно за деревьями его пальто съ развѣвающимися рукавами.

Мать вытираетъ Яну слезы, а сама плачетъ. Начинаютъ ждать, когда отецъ вернется. Мать кормитъ дѣтей.

Подкрѣпившись, Янъ становится веселѣй.

Онъ бродитъ отъ дерева къ дереву.

— Стася! Тутъ брусника есть! Жаль, что мы не захватили съ собой корзинки.

И онъ собираетъ въ листикъ красныя, блестящія ягоды.

Стася, увидѣвъ ягоды, начинаетъ ему помогать. Янъ требуетъ, чтобъ мать непременно съ нимъ аюкалась.

— Ау!—печально кричитъ мать.

— Ау!—весело отвѣчаетъ ей Янъ.

Можетъ быть, и войны никакой нѣтъ, а просто пошли въ лѣсъ по бруснику и промокли?

И долго дѣти бродятъ межъ стволовъ, а женщины сидятъ неподвижно и ждутъ.

Ждутъ, когда вернется отецъ.

Когда-жъ вернется отецъ?

Можетъ быть, часъ прошелъ, можетъ быть, два. Не понять, сумерки это надвигаются или тучи сгустились. Здѣсь, внизу, нѣтъ дождя, но наверху звенятъ и стучатъ дождевыя капли.

И вдругъ въ этотъ дробный звонъ врывается звукъ выстрѣла. Нѣтъ, это не одинъ былъ выстрѣлъ! Это сразу выстрѣлило нѣсколько человѣкъ.

Янъ смотритъ на маму: что это съ нею?

Бѣгаетъ, хватается за стволы, платокъ съ головы свалился, волосы растрепались.

— Я говорила, чтобъ онъ не ходилъ! Я говорила, чтобъ онъ не ходилъ!—задыхаясь кричитъ она.

— Это съ той стороны, куда еврей пошелъ!—говоритъ бабушка.

— Нѣтъ, съ той, куда мой мужъ пошелъ, мой мужъ, мой мужъ!—рыдая кричитъ мать.

А Яну какъ разъ самыя крупныя ягоды стали попадаться. То онъ ягоду нагибается поднять, то на мать смотреть.

Стася, какъ въ столбнякъ, стоитъ, и на губахъ у нея, какъ кровь, краснѣютъ ягоды.

— Мама, скушай ягодку!—угощаетъ Янъ.

Но мать не слышитъ его; она рыдаетъ и кричитъ, и мечется.

— Не кричи, а то услышатъ!—шепотомъ говоритъ бабка, и мать утихаетъ.

— Возьми же ягодку!—шепчетъ Янъ:— очень сладкія.

И онъ самъ суетъ ей въ ротъ самую спѣлую и не можетъ попасть, потому что губы у мамы трясутся.

Бабушка знаками подзываетъ Стасю, и всѣ сидятъ кучей подъ деревомъ.

Молча сидятъ и ждутъ, когда вернется отецъ. Вѣтеръ пролетаетъ надъ лѣсомъ, дождикъ пересталъ идти, посвѣтлѣло небо.

Стася опять увертываетъ въ мокрыя тряпочки свою куклу, а куклинъ румянецъ пачкаетъ ей пальцы красной краской.

— Отчего ты не взяла форфоровую?—укоризненнымъ шепотомъ спрашиваетъ Янъ.

Бабка дремлетъ съ открытыми глазами, голова ея качается.

И вдругъ шорохъ, шаги, голоса, одновременно съ разныхъ сторонъ.

Янъ слышитъ невыносимый, страшный крикъ своей матери, визгъ Стаси и хриплый стонъ бабки. Онъ оглушенъ этими криками.

Изъ глубины лѣса съ непонятнымъ, громкимъ говоромъ выбѣгаютъ какіе-то лю-

ди, озираются и бросаются къ дереву, подъ которымъ Янъ сидитъ съ матерью, сестрой и бабкой.

Янъ съ трудомъ поворачиваетъ голову, вырываясь изъ крѣпкихъ объятий матери, чтобы лучше разглядѣть, кто пришелъ. Онъ видитъ толстыя красныя лица, рыжіе усы

и звонкимъ своимъ дѣтскимъ голосомъ пересиливаетъ материнскіе вопли:

— Мама! Чего же ты кричишь? Это—просто нѣмцы!

Сергѣй Городецкии.

Владѣльцы приворотнаго корня.

Статья проф. В. Д. Плетнева.

Вамъ конечно приходилось уже читать въ нашихъ сказкахъ о волшебномъ „приворотномъ корнѣ“, которымъ можно влюбить въ себя и ненавидящаго человѣка.

Эти чудесныя превращенія враговъ въ любовниковъ и строптивыхъ въ влюбленныхъ до сихъ поръ оставались далеко въ нашемъ дѣтствѣ какъ воспоминанія легковѣрнаго прошлаго, не повторяющагося въ взросломъ настоящемъ.

Теперь быль міровой политики и войны, съ нею связанной, вновь воскресили эту сказку и при этомъ превратили ее изъ фантазіи въ дѣйствительность, изъ слова въ образъ, изъ лирической выдумки въ печальную современность.

До настоящей войны, начиная съ 1904 года, когда были захвачены Боснія и Герцоговина, „приворотнымъ корнемъ“ всецѣло владѣли Австрія и Германия.

Осуществивъ явно враждебныя намъ дѣйствія на Балканахъ въ 1909 году и получивъ въ этомъ отношеніи полную поддержку и опору въ Германіи, дипломатія нашихъ враговъ хитрилась пустить въ дѣйствіе свой „приворотный корень“.

Для всѣхъ было совершенно очевидно, что русскимъ интересамъ на Балканахъ нанесенъ тяжкій ударъ, что нашъ единственный естественный другъ и союзникъ на полуостровѣ—Сербія—получаетъ глубокую отравленную рану, края которой не сомкнутся никогда. Послѣ рѣчи императора Вильгельма о готовности „плечомъ къ плечу“ съ Австріей бороться противъ Россіи и открытыхъ угрозъ графа Путорана стало ясно, что Австрію выталкиваетъ противъ насъ Германія.

Тѣмъ не менѣе въ 1910 году германцы заключили изумительно выгодное для нихъ Потсдамское соглашеніе, по коему наши коренные экономическіе интересы въ Персіи отдавались на службу германскихъ волшебниковъ.

Мы допускали наряду съ русскими товарами ввозъ германскихъ посылокъ и въ поясъ нашего нераздѣльнаго экономическаго вліянія вводили колею Багдадской дороги. По ней же можно было везти въ Персію не только нѣмецкую заваль, но и захваченныя нѣмцами подъ свою командную власть турецкіе таборы. Обязательство Россіи сомкнуть вѣтку Хенекенъ и Тегеранъ съ Багдадской дорогой было тѣмъ несчастнымъ для насъ событіемъ, которое случилось только потому, что германская дипломатія владѣла „приворотнымъ корнемъ“.

Вслѣдъ за этимъ наступила Балканская война, гдѣ интересы Россіи, права національной свободы и нормы справедливости явно совпадали съ максимальными успѣхами

союзниковъ противъ Турціи, съ выходомъ Сербіи къ Адриатическому морю и съ освобожденіемъ союзниковъ отъ всякаго давленія на нихъ постороннихъ силъ.

Для этой цѣли дипломатія тройственнаго согласія объявила себя „незанимательною“ въ Балканской войнѣ и предложила сдѣлать то же австрийцамъ и германцамъ.

Въ отвѣтъ Австрія заявила себя „заинтересованною“ въ балканскихъ дѣлахъ отбросила Сербію отъ Адриатическаго побережья, поставила на ея флангѣ и въ тылу орду вооруженныхъ разбойниковъ, наименовавъ ее „независимой Албаніей“, и захватила желѣзнодорожный путь на Салоники, пролегающій черезъ самое сердце завоеванныхъ Сербіей областей. Для всѣхъ не отравленныхъ чарами волшебнаго корешка было очевидно, что дѣйствія Австріи—прямое начало установленія непосредственной связи съ Салониками и Константинополемъ, которое было идеаломъ германской политики съ 80-ыхъ годовъ XIX вѣка.

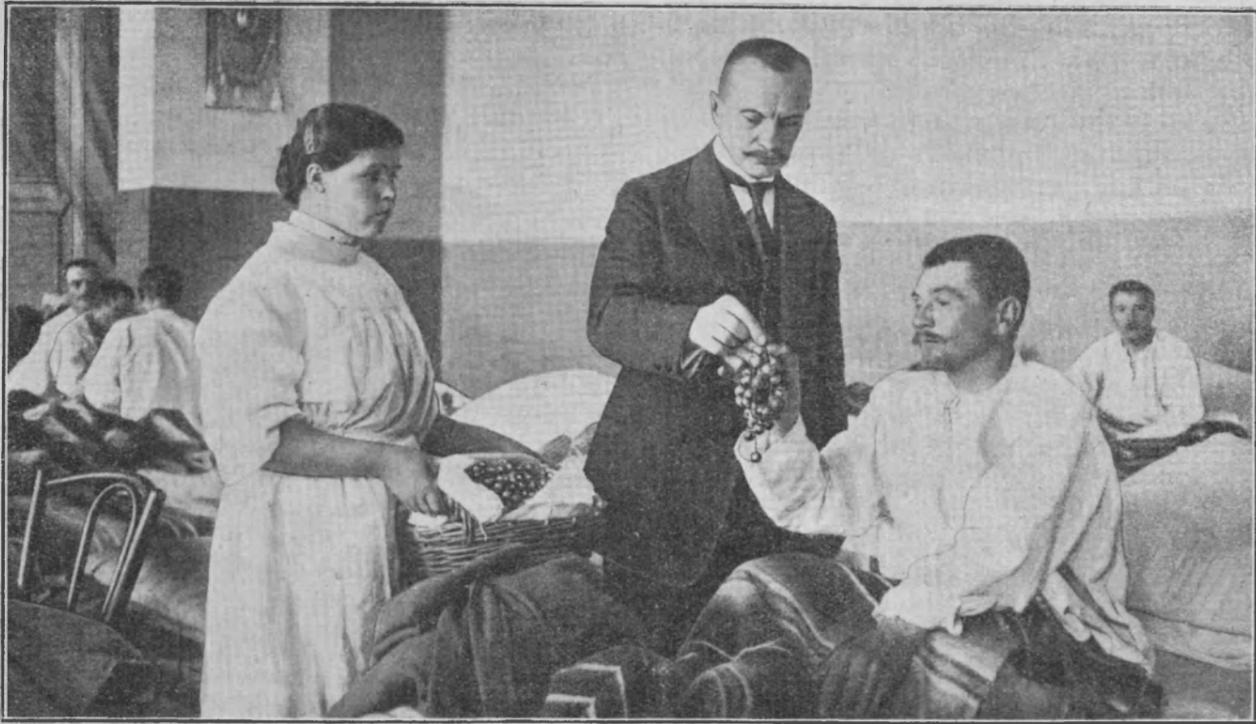
Притязанія Австріи означали стремленіе уничтожить самостоятельность Сербіи, захватить въ вассальную зависимость Турцію и вынудить тѣмъ самымъ Румынію и Болгарію непременно идти въ хвостѣ австро-германскихъ интересовъ.

Однако за столомъ Лондонскаго трактата германцамъ удалось всыпать въ дипломатическую трапезу изрядное количество волшебнаго порошка—и въ птогахъ первой балканской войны появились и „независимая“ Албанія, и „выкупленная“ австрийцами линія Витоль—Салоники, и наконецъ Болгарія, „жаждущая справедливости“ и утоляющая жажду изъ австрийскаго колодца.

Событія потекли стремительнымъ потокомъ.

„Поруганная“ Болгарія, подкрѣпленная іереміадамъ австрийцевъ, ополчилась за правду, и ночью съ 16-го на 17-ое июня 1912 года, безъ объявленія войны, вопреки состоявшемуся соглашенію о русскомъ арбитражѣ, бросила 100-тысячную армию противъ сербовъ и грековъ.

Тѣмъ временемъ Турція, давно уже состоявшая въ виѣбратномъ сожителствѣ съ Германіей, взыскавъ справедливости, устремилась въ Андрианопольскій вилайетъ, а Румынія, томясь о правдѣ, стала наступать на Софію. Такимъ образомъ на Балканахъ все шло *ad majorem gloriam Germaniae* и становилось исполнѣ убѣдительнымъ, что въ самомъ близкомъ будущемъ Болгарія и Турція будутъ направлены на Сербію и Россію. Однако „приворотный корень“ и здѣсь отвелъ глаза кому нужно, и въ итогѣ второй балканской войны

Еъ палатѣ выздоравливающихъ.

Турція снова стала замѣтной силой на Европейскомъ материкѣ, овладѣвъ Адрианонолемъ, а Болгарія... Болгарія получила „право“ ненавидѣть Россію.

Тѣмъ временемъ, занявъ выигрышныя для будущаго столкновения позиціи, германцы начали открыто и не смущаясь готовиться къ рѣшающему удару.

Они правили съ большою поспѣшностью миллиардный налогъ на военныя нужды, увеличили численность арміи на 116.000 человекъ и денно и нощно вели работы по углубленію Кильскаго канала, дающаго имъ флоту возможность грозить Сѣверному и Балтійскому морямъ.

А „приворотный корень“ дѣйствовалъ во всю силу.

Нашлись русскія газеты, объявившія священную войну вооруженіямъ Россіи и Франціи, только отвѣчающимъ угрозамъ германцевъ. Изъ дня въ день на страницахъ этихъ газетъ отставалась „Албанская автономія“, и гремѣли обличительныя проповѣди противъ „франко-русскаго шовинизма“. Дошло даже до того, что русскую читающую публику пытались убѣдить въ опасныхъ тяготахъ франко-русскаго союза.

Наковецъ, когда Сербія была уже объявлена ультиматумъ о полномъ пораженіи, владѣльцы „приворотнаго корня“ убѣдили нѣкоторыхъ русскіхъ публицистовъ высказаться за необходимость „локализаци“ событій.

Послѣ этого Германія и Австрія „приворотный корень“ не былъ нуженъ. Онѣ рѣшили непременно добиться разрушенія Россіи какъ великаго государства и бросились въ войну, увлекаемая столько же темпераментомъ своихъ кайзеровъ, сколько кровожаднымъ атавизмомъ своихъ народовъ.

Но „приворотный корень“ нашель себѣ примѣненіе въ дѣйствіяхъ достойныхъ друзей германскаго народа—болгаръ и турокъ. Болгары, съ пріемами рецидивистовъ, стремятся повторить преступленіе прошлой войны, но къ неустойчивой злобѣ за неудавшееся ограбленіе недавно дерзкихъ разбойниковъ прибавляютъ подлость трусливыхъ брави, не осмѣливающихся открыто броситься на добычу.

Отсюда ихъ роль посредниковъ въ преступленіи, роль предуготовителей средствъ и орудій всемірнаго злодѣянія,

роль тѣхъ рыбокъ-вожаковъ, которые всегда сопровождаютъ акулу. Транспорты пушекъ и ружей, идущіе черезъ Болгарію въ Турцію, пароходы австрийцевъ, вооружающіеся въ болгарскіхъ портахъ, германскіе матросы и инженеры, ѣдущіе специальными поѣздами въ Турцію и наконецъ немногіе порядочные болгарскіе врачи, запрещенные къ службѣ въ русскіхъ госпиталяхъ,—все это—явныя послѣдствія плохо скрываемаго умысла, видимые результаты тайно замышленныхъ преступленій. Для довершенія картины вспомните непрестанныя поѣздки болгарскіхъ министровъ въ Константинополь, нѣжный обмѣнъ привѣтствіями царя Фердинанда съ венграми, тосты болгаро-турецкихъ министровъ за „общій успѣхъ“ и, главное, попутную и параллельную дѣятельность турокъ, съ начала этой войны побившихъ всѣ рекорды пренебреженія къ достоинству и чести державъ тройственнаго согласія.

Впрочемъ турки заслуживаютъ того, чтобы о нихъ было упомянуто и въ отдѣльности.

Тотчасъ по объявленіи войны они получили изъ устъ германской дипломатіи опредѣленную задачу добиться во что бы то ни стало отвлеченія части русскіхъ силъ на Кавказскую границу. Для этой цѣли послѣдовательно были пущены въ ходъ разнообразныя средства, сходныя между собой лишь въ единствѣ заданія.

Армянскіе генераль-инспекторы, посланные въ Анатолійскіе вилайеты послѣ торжественнаго акта международнаго характера, были изгнаны оттуда единоличнымъ распоряженіемъ турецкаго министра внутреннихъ дѣлъ.

Консульскіе суды и экономическія привилегіи европейцевъ, которые сотни лѣтъ охраняли неполно и частью интересы Россіи, Франціи и Англіи, обезпечившихъ ихъ существованіе торжественными договорами, полетѣли разомъ въ мусорную корзину. Пролиты, Парижскимъ трактатомъ 1856 года открытые для коммерческихъ судовъ всѣхъ націй, оказались закрытыми по настоянію командира турецкаго миноносца, управляемаго нѣмцами. 350 тысячъ грековъ, за безопасность которыхъ въ Малой Азіи поручились державы, подши-

савшие Лондонский трактат 1912 года, изгоняются съ тысяче-
лѣтних пепелищъ, а наши друзья и союзники, закавказскіе
армяне, стали подвергаться непрерывному истребленію ордами
курдовъ, руководимыхъ германскими инструкторами.

Наконецъ на-дняхъ въ это море злодѣяній и открытаго
глумленія надъ элементами добрососѣдскаго сожительства
турки добавили открытое нападеніе. По сообщеніямъ Петро-
градскаго телеграфнаго агенства, они направили полчища
своихъ курдовъ въ обходъ нашихъ кавказскихъ границъ, въ
округъ Урми, съ явно выраженной цѣлью овладѣть Азер-
бейджаномъ.

По всей линіи нашихъ кавказскихъ границъ ежедневно
идутъ кровавые бои нашихъ пограничныхъ войскъ съ насѣ-
дающими ордами османовъ, а затѣмъ на-дняхъ Персія потре-
бовала отъ Россіи вывода своихъ войскъ изъ Азербейджана,
дабы Турція могла сохранить свой „нейтралитетъ“. Шесть
милліоновъ гафанатизированныхъ татаръ Азербейджана, ко-
торыхъ турецкіе кудесники мечтаютъ объединить съ татарами
Елизаветинской и Эриванской губерній, стояли того, чтобы
попытаться къ дѣятельности разбойника присоединить поли-
тическій садизмъ.

Чѣмъ же окончились для турокъ и во всемъ равныхъ
имъ друзей-болгаръ преступленія, уже совершенныя и еще со-
вершаемыя ими? Здѣсь-то и сказалась могущественная помощь
приворотнаго зелья. Благодаря ему болгаро-турецкій разбой

превратился въ пылкое охраненіе „нейтралитета“, періодическое
поправленіе договоровъ и соглашеній опредѣлялось какъ „устрой-
ство внутреннихъ дѣлъ“, издѣвательство и глумленіе надъ
русскими интересами было окрещено воздаяніемъ за „про-
шлое коварство“.

Чтобы показать вамъ, читатель, какъ велико влияние вол-
шебства на нашей планетѣ, дозволюте напомнить, что, послѣ
всего учиненнаго противъ насъ и во вредъ намъ, господа
болгары требуютъ вознагражденія, а турки—торжественныхъ
гарантій и привилегій.

Для вящаго доказательства „справедливости“ своихъ
настояній оба „нейтральныхъ“ друга дѣйствуютъ по одному
методу.

Болгары вооружаютъ разбойничьи шайки македонскихъ
четяковъ и бросаютъ ихъ на границы Сербіи, турки устрем-
ляютъ полчища „курдовъ“ на наши кавказскія границы и
въ Персію.

И тамъ, и здѣсь уже много дней идетъ кровопролитіе, а
болгаро-турецкая дипломатія съ тѣмъ большимъ жаромъ
требуетъ „компенсаций“.

Поистинѣ „приворотный корень“ сталъ дѣйствительностью,
и пусть скорѣе широкая реальность общественной свободы
принесетъ изстрадавшемуся народу русскому уничтоженіе
„нейтральныхъ“ враговъ и разоблаченіе ихъ увертливыхъ
поощрителей.

Письма съ войны.

(Наше наступленіе на Карпаты.)

Вотъ уже мѣсяць прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не-
устанными боями заставили австрійцевъ согнуть свою выю
предъ нами.

Задержанные на переправахъ черезъ болотистые рукава
многочисленныхъ притоковъ Сана, мы съ тѣмъ большей стре-
мительностью гнали за австрійцами, жаждая наверстать
потерянное время.

Мы не успѣвали варить горячую пищу иногда по пяти
дней кряду, наскоро на привалахъ грызли сухари и, у кого
былъ, закусывали шоколадомъ, кормили коней и снова впе-
редь въ синюю, подернутую туманомъ даль, за охваченнымъ
ужасомъ врагомъ.

Вздовья нашей батареи осили отъ крика, построжки
уносовъ, непрестанно рвущаяся и насипъхъ чинимья, представ-
ляють собою нелѣпый спутокъ латокъ, веревокъ и проволоки,
орудія и ящики къ вечеру похожи на громадныя комы за-
сохшей травы, все тѣло исесть и болить отъ смертной усталости,
а надъ всѣмъ этимъ, какъ складки знамени, въ высотѣ несе-
тся грозное, гордое слово: „Впередъ и впередъ“.

За послѣднюю недѣлю наша батарея только одинъ разъ
смогла принять участіе въ настоящемъ дѣлѣ. Послѣ горячихъ
боевъ

мы окончательно отгрѣзы-
вали Перемышль наша колонна въ
своемъ наступленіи гнала предъ собою тысячъ 60 австрій-
цевъ. На одной изъ переправъ они увязли почти всю свою
артиллерию въ болотистой рѣчущкѣ и въ отчаяніи
попытались задержать наше наступленіе до увоза завязшихъ
орудій. Мы получили приказаніе подгостовить атаку вѣхоты
и спѣшно выѣзжали на позицію.

Врага еще не было видно, но впередъ, за положимъ ска-
томъ, на который лѣзли орудія, щелкали частые выстрѣлы,
стучали пулеметы, а направо отъ насъ, верстахъ въ пяти,
отчетливо ухали австрійскія бронзовки.

Выстрѣлъ ихъ сразу легко отличимъ отъ нашего, такъ
какъ весь онъ гораздо болѣе влаженъ и разсыпчатъ, нежели
сухой и повелительный ударъ нашихъ трехдюймовокъ.

Въ противоположность японской войнѣ, гдѣ подъ конецъ
мы иначе, какъ съ закрытыхъ позицій, не стрѣляли, здѣсь
почти въ каждомъ бою артиллерія нашей случается примѣ-
нять открытыя позиціи. На этотъ разъ намъ также прика-
зано было выдвинуться на гребень и бить по аррьергарду и
переправѣ.

Вотъ наконецъ передніе уносы выскочили на вершину, и
одно за другимъ орудія снимаются съ передковъ для боя.

Странная и жуткая картина раскрылась предъ нами съ
высокаго нагорья.

Верстахъ въ пяти впередъ змѣилась тонкой струйкой
рѣчка, по всему берегу который видѣлись разсыпанныя
австрійскія войска, а въ бинокль ясно различались обозы и
орудія. По берегу сновали всадники, перебѣгали кучки людей,
а далеко налѣво, на излучинѣ берега, копошились ихъ
саперы, наводя понтонный мостъ.

Съ нашего гребня, за часъ предъ нами, конница
прогнала австрійскую вѣхоту, и теперь на мѣстѣ батареи мы
видѣли массу убитыхъ и раненыхъ, кучи патроновъ и
амуниціи, сотни брошенныхъ ружей и шанцевыхъ лопатъ.

Какъ отчетливо помню я свое чувство тяжелой и смут-
ной тревоги при видѣ трупа 12-тилѣтней дѣвочки, утонувшей
подъ мельницей въ нашей деревнѣ годъ тому назадъ! Сколько
сосредоточеннаго вниманія, утѣшковъ и быту, и обстановкѣ
шевельилось во мнѣ, заполняя сознаніе облакомъ темныхъ
чувствованій!

Маленькое тѣльце со вздутымъ животомъ и ниточкой
коралловъ вокругъ шеи долго еще потомъ мерещилось мнѣ,
какъ безсильный урекъ пробужденнаго и не желавшаго
уснуть состраданія, захватившаго сердце.

Здѣсь я уже видѣлъ тысячи мертвыхъ и десятки тысячъ
раненыхъ, и ни разу не замѣтилъ въ себѣ чего нибудь
похожаго на тѣ переживанія.

Всякіе разъ, когда я вижу нашихъ убитыхъ или иска-
лѣченныхъ, вмѣсто состраданія во мнѣ подымается крикъ
мести.

Волна жестокаго гнѣва выкатывается изъ самыхъ болѣе-глубинъ сознанія и заглопляетъ волю и мысль, душу и тѣло, разумъ и инстинктъ сплюю первобытныхъ, вѣчныхъ, какъ жизнь, ощущеній.

Я хочу уничтожить, хочу истреблять въ отвѣтъ на каждого убитаго десятки и сотни враговъ; при видѣ одного нашего солдата съ оторванными ногами мечтаю оторвать члены всѣхъ воюющихъ австрійцевъ.

Какъ я понимаю теперь крикъ Некрасова: „То сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть“!

Вотъ и здѣсь, на этой позиціи, я радостно глядѣлъ на плоды работы нашей конницы и, лихорадочно готовя орудія къ бою, весь уходилъ въ предчувствіе предстоящей борьбы. А насъ уже замѣтили. Мимо насъ неслись роями пули ружейной батареей, засѣвшей гдѣ-то въ холмистыхъ перелѣскахъ предъ нами, и пожаловали частые выстрѣлы австрійской пѣны, далеко ниточкой вытянувшейся впереди.

Я открылъ огонь, дѣйствуя двумя взводами по наводимо-

Церковь въ Суассонѣ, разрушенная германскимъ обстрѣломъ.

му мосту и двумя взводами по линіи орудій, пытающихся перейти рѣку прямо вбродъ. Первые же очереди стали ложиться очень хорошо, и если бы вы видѣли это безуміе вдругъ шарахнушагося муравейника, эти толпы ошалѣвшихъ людей, вдругъ замедавшихся предъ нами!

Какъ кучи осеннихъ листьевъ, безъ риска и разбора кидались они изъ стороны въ сторону, бросая и мостъ, и орудія, и повозки, и обозы, кидаясь куда попало и какъ попало изъ-подъ нашего огня. Австрійская артиллерія благосклонно замѣтила насъ, и одинъ изъ ея снарядовъ сразу выбилъ у меня 7 номеровъ прислуги.

Что намъ до этого за дѣло? имъ отмстятъ наши сосѣди. Наше дѣло—стегать стальными бичами по переправамъ, истреблять и уничтожать.

Понимаете ли вы это чувство силы безмѣрной, это сознаніе мысли сказочной, это волшебное ощущеніе власти богатырей, читаемое только въ сказкахъ? Я, командиръ 8-мпорудійной батареей, и всѣ мои наводчики непосредственно ощущали приливъ безпредѣльныхъ силъ.

Своими слабыми руками мы приводили въ движеніе сложныя машины нашихъ орудій и на версты впередъ желѣзными граблями шрапнели сгребали массы враговъ. Мы сливались со сталью орудій, вкладывали мысли нашего гнѣва и нашей мести въ дистанціонныя трубы снарядовъ, соединялись нашимъ чувствомъ любви къ своимъ и слезами по близкимъ съ далекими дымками разрывовъ, несущихъ намъ радость, а имъ смерть.

Я смотрѣлъ на моего старшаго офицера, три дня тому назадъ получившаго извѣстіе, что убитъ, какъ сынъ имъ воспитанный, младшій братъ.

Онъ всѣ эти дни сосредоточенно молчалъ, хмурый уходилъ отъ насъ по приваламъ въ сторону, весь поблекъ и осунулся. Теперь онъ былъ веселъ. Его глаза лихорадочно блестѣли, голосъ крѣпко звенѣлъ, онъ безостановочно шутилъ съ прислугой и радостно хвалилъ наводчиковъ.

Направо, налево, предъ собой бросалъ я потоки смерти и огня, на версты предъ собою крестилъ огневымъ мечомъ линіи врага, хлесталъ бичемъ изъ желѣза и смерти по людямъ, пушкамъ, лошадямъ, повозкамъ и гналъ ихъ пердъ собою.

— Вы намъ, а мы вамъ свои гостинцы!—кричалъ онъ, и я понималъ, что для него эти „гостинцы“ замѣняютъ и теплыя моленья панихидъ, и поклоненіе свѣжей могилѣ, и ласковыя сумерки любовныхъ воспоминаній.

Меня и самого захватила эта игра. Мнѣ чудилось, что мѣшцы мои превратились въ сталь, грудь моя дышала ударами орудій, сердце мое билось вмѣстѣ съ разрывами гранатъ.

У меня есть свои счеты съ австрійцами какъ друзьями германцевъ. Одною я боюсь,—это того, что меня убьютъ, прежде чѣмъ придется столкнуться съ германцами; пусть судьба сохранитъ меня отъ этого; она должна понять, что мнѣ надо имѣть предъ собой германцевъ.

Въ концѣ концовъ я прекратилъ огонь, такъ какъ конница подошла слишкомъ близко и наши выстрѣлы могли быть опасны своимъ.

Съ тѣхъ поръ мы снова гонимся, бѣжимъ впередъ и впередъ, но уже измѣнили направленіе и повернули прямо къ Карпатамъ.

В. Сергѣевъ.

Война и финансы.

Статья проф. **М. А. Курчинскаго.**

Война занимаетъ въ настоящее время всеобщее вниманіе. Всѣ разговоры, всѣ мысли направлены на нее. Это—главный центръ, вокругъ котораго вертится все остальное.

Но если мы заняты въ первую очередь войной, если она представляется намъ крупнѣйшимъ явленіемъ, заслоняющимъ всѣ остальные, то сейчасъ же за нею выдвигается другой, можетъ быть, и менѣе яркій, но все же крайне важный вопросъ—о средствахъ на войну. Вѣдь уже давно было отмѣчено, что для войны нужны деньги, деньги и еще разъ деньги. На первый планъ выдвигаются конечно люди, оружіе, пушки, вообще все то, что составляетъ, такъ сказать, военную боевую готовность, но за этой послѣдней сейчасъ же выступаетъ вопросъ о средствахъ для веденія войны—финансовая боевая готовность. При современныхъ условіяхъ средства на войну требуются колоссальныя, далеко превосходящія собой все то, что намъ рисуютъ прежнія эпохи. Теперь война приобрѣла прямо титанической размахъ. Она потеряла очень многое изъ своей былой красочности и поэзии, но зато страшно выиграла въ своихъ размѣрахъ, захватывая колоссальныя массы людей, занимая громадныя пространства и требуя необы-

чайнаго напряженія эконопическихъ, финансовыхъ силъ населенія.

Вооруженіе арміи, ея продовольствіе, передвиженіе, возмѣщеніе потерь, леченіе и эвакуація раненыхъ стоятъ громадныхъ суммъ. Трудно сейчасъ точно ихъ опредѣлить. Во всякомъ случаѣ говорятъ о военныхъ расходахъ, достигающихъ въ мѣсяць 600—700 милліоновъ рублей. Это—военные расходы, а вѣдь рядомъ съ ними идетъ не останавливаясь обычная, ежедневная мирная жизнь. Она тоже не должна останавливаться, даже болѣе,—для того, чтобы военныя дѣйствія шли успешно, она не должна даже замѣтнымъ образомъ замедляться, въ ней долженъ быть соблюденъ тотъ обычный средній темпъ, который обезпечиваетъ правильное функционированіе общественно-экономическаго развитія, позволяющаго поддерживать на должной высотѣ положеніе тыла арміи, той широкой базы, откуда она получаетъ свое питаніе. Такимъ образомъ рядомъ съ колоссальными затратами, которыя поглощаются и можетъ еще поглотить война, обыкновенный бюджетъ, созданный въ мирное время, долженъ продолжать свое дѣйствіе. Особенно большихъ сокращеній въ немъ произвести нельзя, и тѣ суммы, о которыхъ въ этомъ отношеніи проникли свѣдѣнія въ печать, составляютъ хотя бы для конца нынѣшняго года всего какихъ либо триста, триста съ небольшимъ милліоновъ.

Какія суммы понадобятся для удовлетворенія грандіозныхъ нуждъ, стоящихъ предъ нами, и для поддержанія обычнаго темпа нашей жизни въ такомъ видѣ, чтобы сохранить нетронутыми культурныя цѣнности, накопленныя въ прежнее время? Отвѣтить на этотъ вопросъ въ настоящую минуту крайне трудно. Все дѣло въ томъ, сколько времени продолжится война и какъ она будетъ протекать. Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о такихъ суммахъ, добыть которыя обычными способами совершенно невозможно. Будемъ ли мы имѣть въ виду необходимость полученія на нужды военной и мирной дѣятельности 7, 8, а тѣмъ болѣе 10 милліардовъ, задача ихъ добычанія представляется достаточно сложной и трудной.

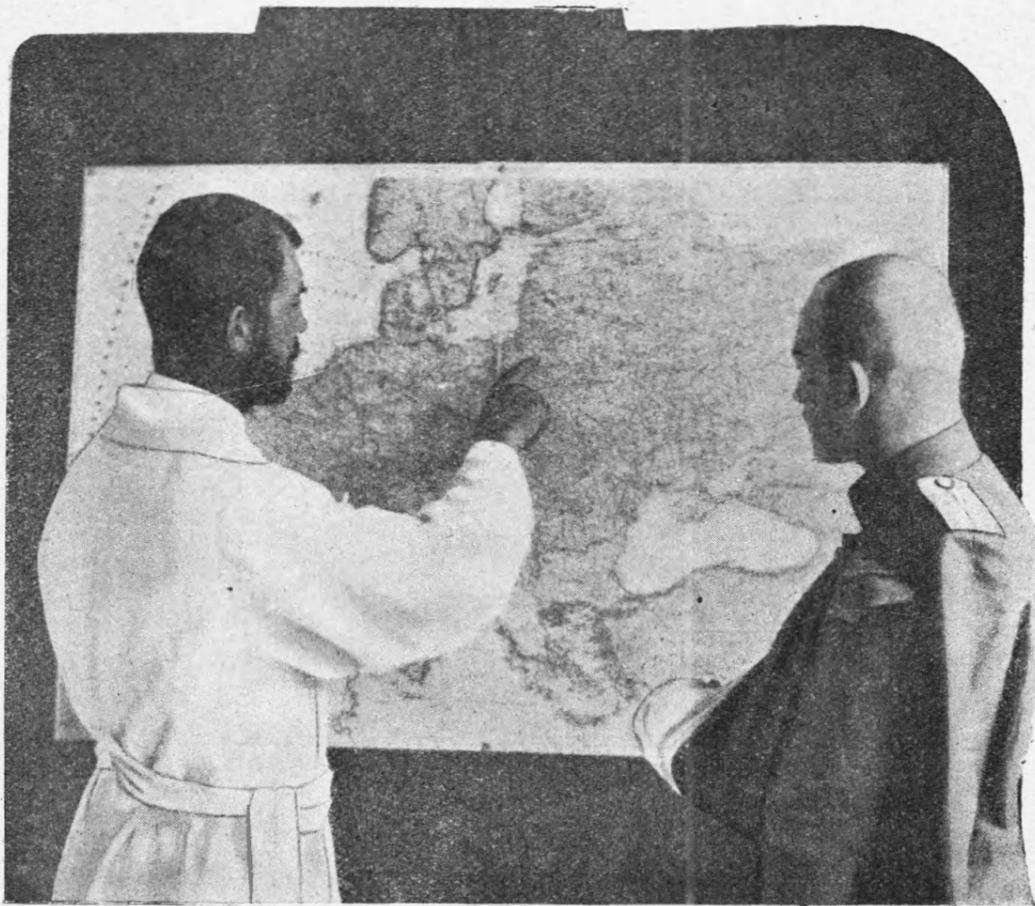
Это добычаніе можетъ идти по тремъ путямъ: 1) усиленное использование налоговыхъ источниковъ, 2) привлеченіе на помощь кредита и наконецъ 3) выпускъ бумажныхъ денегъ. Правительство прибѣгло уже въ настоящее время ко всемъ тремъ вышеуказаннымъ способамъ: повышены нѣкоторые налоги (табачный, на спиртъ, обложеніе телефоновъ и т. д.), выпущенъ внутренній заемъ на 300 милліоновъ въ формѣ серій и, въ первую же очередь, было расширено эмиссионное право Государственного банка. Эти же самые источники остаются и на дальнѣйшее время, причемъ въ отношеніи постепенности ихъ использования слѣдуетъ придерживаться той послѣдовательности, въ которой они у насъ указаны. Въ первую очередь налоги, затѣмъ займы внутренніе, а въ той степени, въ какой это оказалось бы возможнымъ, и внѣшніе, въ послѣднюю же очередь кредитные билеты. Вопросъ только въ томъ, въ какой формѣ и какихъ размѣрахъ слѣдуетъ использовать каждый изъ нихъ. Тутъ мнѣнія очень различаются и въ различныхъ проектахъ и предложеніяхъ, дѣлаемыхъ съ разныхъ сторонъ, нѣтъ недостатка. Разсмотримъ этотъ вопросъ во всей его широтѣ въ небольшой журнальной статьѣ не представляется возможнымъ и поэтому приходится

ограничиться только какой либо одной его стороною, оставляя другія до слѣдующихъ статей.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ мы уже отмѣтили, разнообразныя финансовыя проекты, долженствующіе помочь намъ выдти изъ труднаго положенія, сыплются отовсюду какъ изъ рога изобилія.

Тутъ и правительственные проекты, и мнѣнія специалистовъ-теоретиковъ, и пожеланія заинтересованныхъ группъ. Говорятъ о новыхъ налогахъ или о повышеніи старыхъ, о созданіи ряда казенныхъ монополій, о новыхъ займахъ самого разнообразнаго вида, среди которыхъ находятъ себѣ мѣсто даже выигрышные займы съ мелкими купюрами (это послѣднее предложеніе теперь уже официально опровергнуто), обсуждаютъ вопросъ о желательности или нежелательности усиленнаго привлеченія къ дѣлу печатнаго станка, могущаго существенно увеличить количество нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, и т. д.

Останавливаясь въ первую очередь на налоговыхъ про-

Разсказъ раненаго.

ектахъ, мы должны отмѣтить довольно усиленную дѣятельность въ этой области министерства финансовъ, направленную на изысканіе новыхъ суммъ отъ налоговыхъ поступленийъ. Вниманіе, проявляемое къ этой области государственныхъ доходовъ, тѣмъ болѣе понятно, что, не говоря объ общихъ финансовыхъ нуждахъ, тутъ именно въ связи съ отмѣной казенной винной монополіи образовалась громадная брешь около 700 милліоновъ рублей. Эту брешь нужно во всякомъ случаѣ такъ или иначе покрыть, не говоря уже о необходимости изысканія средствъ на производство расходовъ, связанныхъ съ войной.

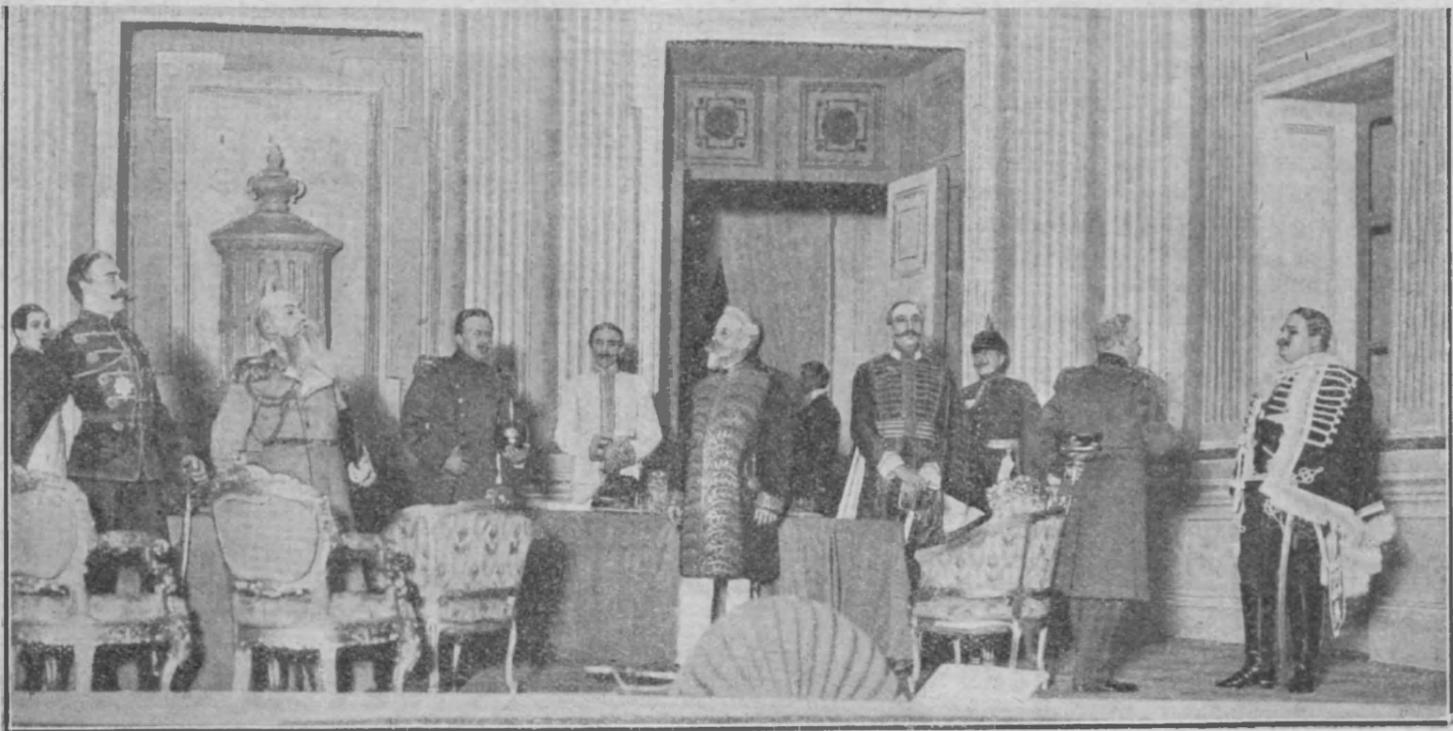
Правительство проявляетъ въ этой сферѣ довольно замѣтную дѣятельность и, насколько можно судить по свѣдѣніямъ, проникающимъ въ печать, обѣщаетъ путемъ введенія нѣкоторыхъ новыхъ и повышенія ряда старыхъ налоговъ добыть сумму, превышающую 800 милліоновъ, покрывъ такимъ образомъ убыль отъ сокращенія монопольныхъ доходовъ. О деталяхъ этой правительственной программы мы расчитываемъ поговорить отдѣльно, пока же не можемъ не

отмѣлять, что изъ среды проектируемыхъ правительствомъ новыхъ налоговъ на первомъ мѣстѣ выдѣляется обложение передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ, общающее болѣе 300 милліоновъ, а повышение старыхъ налоговъ сводится главнымъ образомъ къ увеличенію ставокъ косвеннаго обложения. Общій характеръ этихъ проектовъ отличается чертами, давно уже присущими мѣропріятіямъ нашего министерства финансовъ: отсутствіемъ широкой инициативы, широкаго размаха и стремленіемъ перекладывать по возможности все обложение на плечи широкихъ народныхъ массъ, оберегая наиболѣе имущіе верхи и отводя усиленное вниманіе налогамъ, носящимъ характеръ налоговъ на потребление.

Но зато правительство очень мало вниманія удѣляетъ мысли о необходимости, ввиду переживаемыхъ нами чрезвычайныхъ военныхъ обстоятельствъ, прибѣгнуть ко вве-

она является вполне умѣстной, чрезвычайность же ея представляеть собой вѣрнѣйшее ручательство, что но минованіи надобности она сейчасъ же будетъ отмѣнена. Если же разсматривать ее съ социальной точки зрѣнія, то у нея есть много несомнѣнныхъ преимуществъ по сравненію съ проектированными правительствомъ налогами: 1) обложение упадетъ на болѣе сильные въ платежномъ отношеніи плечи и 2) оно будетъ гораздо болѣе равномернымъ. Оно явится жертвой, вполне понятной для тѣхъ круговъ населенія, которымъ оно коснется, необходимость и справедливость которой будетъ совершенно очевидной.

Что же касается тяжести проектируемаго налога, ибо онъ не можетъ быть не тяжелымъ, разъ желаютъ получить отъ него значительныя суммы, то исключительныя времена требуютъ и исключительныхъ жертвъ. Онѣ будутъ принесены для блага и счастья народа и государства.

„Позоръ Германіи“. Актъ I-ый.

денію чрезвычайнаго военнаго имущественно-подходнаго налога, необходимость котораго указывалась цѣлымъ рядомъ нашихъ ученыхъ финансистовъ, въ томъ числѣ и пишушимъ эти строки. Такой единовременный имущественно-подходный сборъ за послѣднее время уже нашель себѣ примѣненіе въ Германіи въ эпоху, непосредственно предшествовавшую настоящей войнѣ, и далъ тамъ довольно удовлетворительные результаты. Такимъ образомъ это—финансовое оружіе, которое мы предлагаемъ заимствовать у нашихъ теперешнихъ враговъ. Но если мы заимствовали и можемъ заимствовать у нихъ различныя военныя изобрѣтенія и усовершенствованія, поскольку эти послѣднія оказываются удачными, то отчего же намъ и не воспользоваться примѣненной тамъ финансовой мѣрой. Между тѣмъ правительство не только не желаетъ добыть средства этимъ путемъ, но даже отодвигаетъ вопросъ о введеніи простаго подходнаго налога, не вводя его въ проектъ росписи на 1915 годъ, такъ какъ считаетъ возможный отъ него доходъ, такъ сказать, запаснымъ.

Конечно единовременный имущественно-подходный налогъ—мѣра чрезвычайная, но она вполне оправдывается тѣми обстоятельствами, которыя мы переживаемъ. Въ обычное время провести ее было бы совершенно невозможно теперь же

Маркизь ди Санъ-Джуліано и политика Италіи.

Статья **Е. Леонидова.**

Въ лицѣ скончавшагося 3-го октября итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ маркиза ди Санъ-Джуліано исчезъ изъ политической жизни Италіи одинъ изъ самыхъ видныхъ сторонниковъ тройственнаго союза и „традиціонной“, т. е. начатой Криспи, итальянской иностранной политики.

Маркизь ди Санъ-Джуліано сравнительно новое дѣйствующее лицо въ европейской дипломатіи. Въ 1910 году онъ впервые получилъ министерскій портфель (въ кабинетѣ Луццати). Въ это время изъ Рима только что выѣхалъ германскій канцлеръ Бегманъ-Гольвегъ, приѣхавшій въ Римъ, чтобы представиться итальянскому королю. Какъ только ди Санъ-Джуліано былъ назначенъ министромъ, онъ бросился вдогонку за канцлеромъ и поймалъ его во Флоренціи. Эта погоня за германскимъ сановникомъ составляла своего рода символическую увертюру ко всему политическому курсу покойнаго маркиза. Въ первый же годъ своего пребыванія на посту министра ди Санъ-Джуліано осѣтилъ Вѣну и Берлинъ, причемъ подробно бесѣдовалъ не только съ императорами Францемъ Іосифомъ и Вильгельмомъ, но и съ ответственными руководителями австрійской и германской политики, гр. Эрв-

талеи и Бетманъ-Гольвегомъ. И въ дальѣйшемъ покойный итальянскій министръ внимательно прислушивался къ совѣтамъ Берлина и Вѣны.

Австрофильство и германофильство ди Санъ-Джулиано съ самыхъ первыхъ шаговъ поставили его въ шекотливое положение по отношенію къ итальянскимъ патриотамъ. Предъ самымъ образованіемъ кабинета Луццати въ Римѣ разыгрался скандалъ, вызванный запросомъ депутата Кіеза по поводу о шпіонскомъ дѣйствіи жены генерала ди Коссато, рожденной Сименсъ (разумѣется, шѣмки). Депутатъ Кіеза такъ рѣзко отозвался по этому поводу о сторонникахъ тройственнаго союза, что дѣло кончилось нѣсколькими дуэлями.

Первымъ дѣйствіемъ, съ которымъ маркизу ди Санъ-Джулиано пришлось выступить предъ Европой—было присоединеніе Триполи. Итальянскому австро-германофильскому министру пришлось здѣсь до известной степени пойти вразрѣзъ если не прямо съ политикою, то во всякомъ случаѣ съ пожеланіями Вѣны и Берлина. Неудивительно, что маркизу ди Санъ-Джулиано крайне неохотно и только понуждаемый гнетомъ общественнаго мнѣнія пошелъ на приобретеніе этой новой колоніи и на вооруженное столкновение съ турками. Сначала друзья маркиза—вѣроятно не безъ его вѣдома и соучастія—попытались даже поднять въ газетахъ кампанію протавъ такой аннексии; при этомъ доказывалось, что Триполи будетъ много стоить, а само ничего не дастъ Италіи. Но итальянское общество не дало себя загипнотизировать; и волна политическаго подъема приобрѣла такую силу, что противиться ей было бы нелѣпностью.

Удачный для Италіи исходъ триполитанской войны открылъ ея имперіалистскимъ элементамъ широкія перспективы. Впервые послышались разговоры о необходимости превратить Адриатическое море въ „наше“, т. е. итальянское, и наряду съ притязаніями на Триестъ народилось новое—на приобретеніе Валонъ. Все яснѣе обозначалась неизбежность не только разрыва, но и прямого конфликта съ союзной Австріей.

Тѣмъ не менѣе маркизу ди Санъ-Джулиано удалось провести въ 1912 году досрочное возобновленіе договора о тройственномъ союзѣ, связавшее политику Италіи еще на рядъ лѣтъ съ Берлиномъ и Вѣной. Италія конечно отъ этого возобновленнаго союза ничего не выиграла. Мало того, ея союзницы, несмотря на это возобновленіе, перестали смотрѣть на нее какъ на связанную съ ними державу и постепенно устранили ее отъ всякой возможности совмѣстнаго выступленія.

Въ результатъ политики ди Санъ-Джулиано Италія оказалась совершенно изолированной, не входящей ни въ какую политическую комбинацію. Въ такомъ положеніи она находится и сейчасъ, если не считать слуховъ о какомъ-то тайномъ ея соглашеніи съ Румыніей. Со смертью ди Санъ-Джулиано

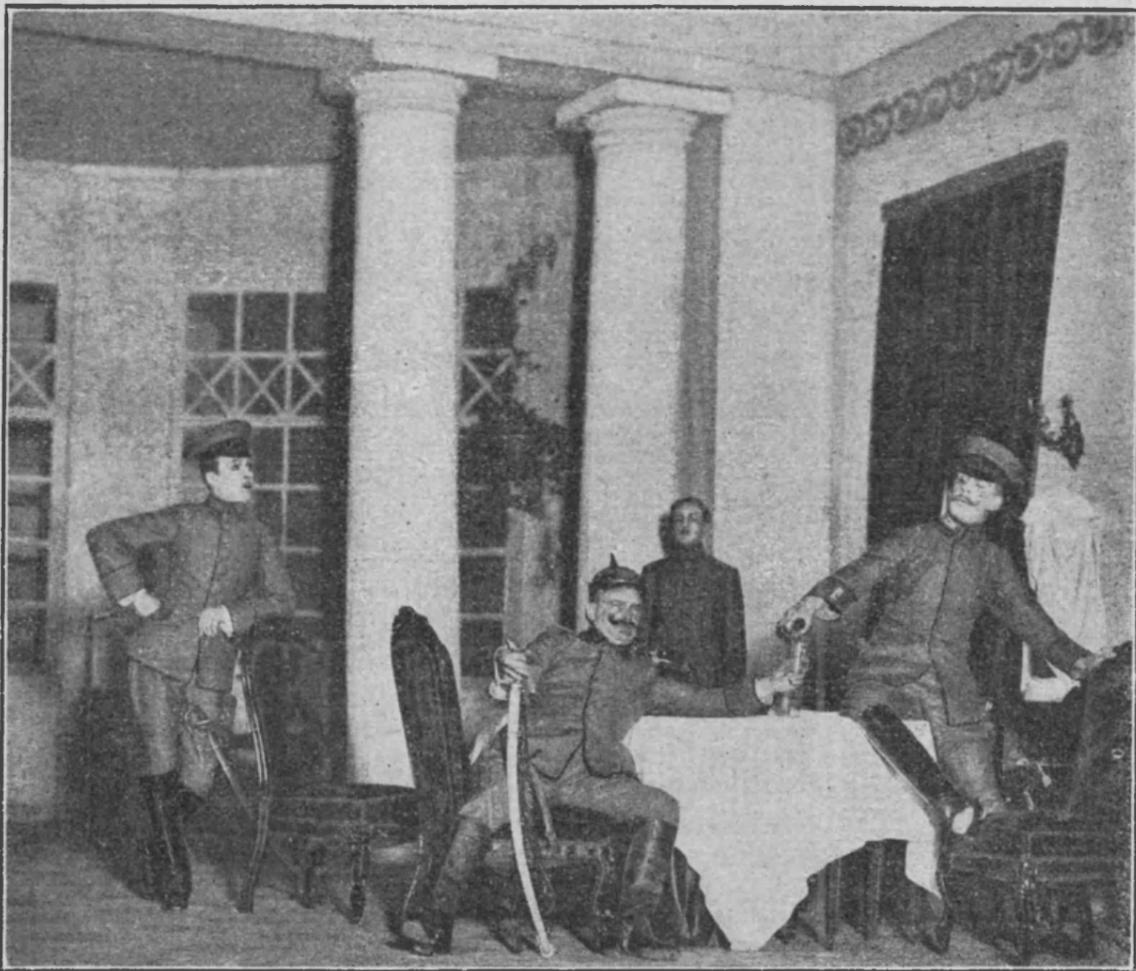
итальянской политикѣ легче будетъ совершить ту перемѣну курса, на которую вытася толкнуть итальянскихъ политическихъ дѣятелей еще покойный король Эдуардъ VII и которая—единственно-правильная и единственно-возможная политика съ точки зрѣнія національныхъ и государственныхъ интересовъ Италіи.

Чей позоръ?

(„Позоръ Германіи“—драма въ 4 дѣйствіяхъ изъ современной войны, соч. Мамонта Дальскаго.)

1.

Былъ на пьесѣ М. Дальскаго и рѣшительно недоумѣваю. Позора видѣлъ немало, но въ чемъ же позоръ Германіи? Если бы подобное произведеніе написалъ нѣмецъ и если бы можно было требовать къ отвѣту цѣлый народъ,

„Позоръ Германіи“. Актъ III-ій.

цѣлую страну за каждого безцеремоннаго автора, способнаго чеканить монеты изъ самыхъ священнѣйшихъ чело-вѣческихъ чувствъ—чувствъ жены, матери и дочери—то Германія этой пьесой была бы дѣйствительно опозорена. Но пьесу написалъ Мамонтъ Дальскій, поставилъ ее суворинскій театръ. Оба погнались за дешевымъ успѣхомъ и дорогими сборами. Германія то, Германія здѣсь при чемъ?

Авторъ оперируетъ съ фактами, это такъ. Но недаромъ давно уже сказано, что фактъ—глупъ. Убийство— всегда убійство, но за одно убійство ссылаютъ на каторгу, за другое оправдываютъ, за третье увѣнчиваютъ лаврами. Фактъ, взятый «an und fur sich», ровно ничего не значитъ; для распространительныхъ выводовъ онъ долженъ быть координированъ внутренними мотивами и внѣшними условиями. Мнѣ говорятъ, что герой пьесы г. Дальскаго, ротмистръ Доннендорфъ, списанъ съ пресловутаго маіора Прейскера. Но вѣдь злодѣянныя Прейскера только потому оказались позорными для всей Германіи, что послѣдняя, въ лицѣ своихъ лучшихъ людей, торжественно заявила о солидарности со всѣми героями калишскихъ, ченстоховскихъ, реймскихъ и прочихъ мерзостей. Не будь этой солидар-

ности, подвиги Прейскера легли бы позором только на него самого. Но въ пьесѣ г. Дальскаго именно эта то солидарность совершенно не устанавливается. Даже больше: изъ четырехъ высшихъ и низшихъ коллегъ злодѣя — Донненцорфа никто не сочувствуетъ и не одобряетъ его подвиговъ, а двое (докторъ Либсманъ и вахмистръ Кнацъ) даже открыто титулуютъ Донненцорфа мерзавцемъ, позорящимъ честь германскаго мундира. То есть авторъ слѣдовательно совершенно не координируетъ приводимыхъ имъ фактовъ, а беретъ ихъ «въ себѣ». И потому факты остаются мертвыми и бездоказательными въ предѣлахъ авторской задачи. Впрочемъ попытаюсь сначала дать въ нѣсколькихъ словахъ содержание пьесы, и тогда сказанное мною выявится само собой.

2.

Въ Берлинѣ подъ предсѣдательствомъ «верховнаго вождя» происходитъ засѣданіе верховнаго совѣта, обсуждающаго вопросъ объ объявленіи войны Россіи. Члены совѣта настроены очень патриотически и въ большинствѣ ратуютъ за войну. Противъ войны — только старый графъ Пфальцъ, но торжествуетъ мнѣніе большинства, и война рѣшается. Въ этомъ — содержание перваго акта (пролога). Выводъ: нѣмцы — большіе патриоты, но плохіе политики. Первое похвально, второе нѣтъ. Но ни то, ни другое не позорно.

Со втораго акта дѣйствіе переносится въ пограничное имѣніе Рославина. Рославинъ — большой эстетъ и идеалистъ. Въ жестокость германцевъ онъ не вѣритъ, такъ какъ.. любить Бетховена. Но вотъ въ имѣніе являются германцы и доказываютъ, что Бетховенъ — не аргументъ въ данномъ случаѣ. Ротмистръ Донненцорфъ подвергаетъ Рославина всяческимъ издѣвательствамъ и въ присутствіи послѣдняго заявляетъ, что жена Рославина должна провести ночь съ нимъ, ротми стромъ, а ея сестра — съ любимымъ солдатомъ (?). Рославинъ срываетъ съ Донненцорфа погонь и бьетъ имъ германца по лицу. Донненцорфъ приказываетъ «раздѣть женщину до-гола», а на слѣдующій день стрѣляется съ Рославинимъ на дуэли. Противники убиваютъ другъ друга на мѣстѣ. Тогда являются казаки и захватываютъ нѣмцевъ. Публика встрѣчаетъ казаковъ бѣшенными аплодисментами. Еще бы! Вѣдь благодаря ихъ появленію пьеса кончена!

3.

Такимъ образомъ ясно, что содержание пьесы совершенно не соответствуетъ ея заглавію. Изъ всего хода пьесы

зритель усматриваетъ лишь, что ротмистръ Донненцорфъ — негодяй. Но онъ видитъ также, что Донненцорфъ могъ бы быть и не германцемъ, а кѣмъ угодно, такъ какъ негодяи встрѣчаются во всемъ мірѣ. Прототипъ Донненцорфа — Грейскеръ — совершалъ мерзости потому, что былъ германцемъ, а самъ Донненцорфъ — потому, что былъ Донненцорфомъ. Слѣдовательно съ точки зрѣнія рѣшенія поставленной себѣ задачи (позоръ *Германи*) пьеса г. Дальскаго совершенно неудовлетворительна.

А вѣдь только надлежащее рѣшеніе задачи могло бы хоть сколько нибудь оправдать это произведеніе, лишенное какихъ бы то ни было достоинствъ. Нѣтъ въ немъ оригинальности, ибо Донненцорфъ — слабая и прокорректированная по современнымъ газетнымъ вырѣзкамъ копія съ молассановской «мадемуазель Фифи». Нѣтъ въ немъ психологіи, ибо дѣйствія персонажей совершенно не мотивируются и не обосновываются, нѣтъ въ немъ художественности, ибо истинное искусство не вмѣщаетъ портретнаго пасквилянства, и наконецъ нѣтъ въ немъ даже элементовъ истинной драмы, такъ какъ весь трагизмъ сводится къ нагроможденію ужасовъ.

И вѣдь даже съ чисто внѣшней стороны произведеніе г. Дальскаго неудачно до смѣшнаго. Пьеса наивна до неловкости, въ ней нѣтъ совершенно эффектовъ, нѣтъ нарастанія мелодраматической жути. И если она все-таки съеть по нервамъ, если она вызываетъ массовыя истерики у дамъ, то только потому, что изъ-за надуманной сценической пошлятинки на зрителя глядитъ великіи и леденящи ужасъ непрекрашенной дѣйствительности. И съ этой точки зрѣнія произведеніе г. Дальскаго не только бездарно, но и безразлично, такъ какъ оно рассчитано исключительно на прикосновение къ кровоточащимъ ранамъ, на коммерческое использование священной скорби тѣхъ, кто уже понесъ въ столкновеніи съ германскимъ варварствомъ потери близкими людьми.

4.

Теперь объ игрѣ. Мамонтъ Дальскій, исполнивши въ своей пьесѣ роль.. Епроемъ чего ужъ тамъ! Великимъ покойничкамъ иной разъ можетъ придти въ голову странная фантазія встать изъ могилки и опять начать бродить среди живыхъ. Но насъ это не избавляетъ отъ пегизма къ прошлому и не даетъ права тревожить заслуженный прахъ. *Былъ* Мамонтъ Дальскій... Ну, такъ миръ его артистическому праху!

Евг. Мауринъ.

НАША ОБЛОЖКА.

Молодая женщина, простирая руки къ ребенку, котораго только что отнялъ у нея римскій воинъ, кричитъ. Воинъ убьетъ сейчасъ ея ребенка. Она кричитъ. Это — *голосъ жизни*.

Рядомъ съ нею другая женщина еще держитъ своего ребенка, но надъ нимъ уже занесена рука убийцы.

Таковъ рисунокъ на обложкѣ этого номера нашего журнала.

Онъ представляетъ собою фрагментъ огромной инкрустации Матео ди Джованни на полу Сіеннскаго собора, из-

ображающей избіеніе младенцевъ по приказанію Ирода, царя Іудейскаго.

Въ дни, когда Иродъ нашего вѣка — Вильгельмъ — избиваетъ население беззащитныхъ странъ, вполне своевременно вспомнить трагическаго художника, такъ глубоко передавашаго движеніе ужаса, намъ всѣмъ теперь знакомаго.

Воспроизведеніе этой инкрустации появляется въ русскомъ изданіи впервые. Оно исполнено по рисунку Сергѣя Городецкаго, сдѣланному въ Сіеннѣ въ натуральную величину (въ 16 разъ больше нашего рисунка).

Цѣна номера
въ Петроградѣ
и провинціи

10 к.

Еженедѣльный литературно-политическій иллюстрированный

ЖУРНАЛЪ

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

Цѣна номера
на станціяхъ
желѣзн. дорогъ

12 к.

выходящій въ свѣтъ при участіи лучшихъ силъ русской изящной литературы, публицистики и живописи.

Изданіе Акціонернаго Общества ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ. Петроградъ,
1) Лиговская ул., д. 114, и 2) Садовая ул., д. 20.

Изданіе и типографія Акц. О-ва Издат. А. А. Каспари, Петроградъ, Лиговская. 114.

Редакторъ Евг. Мауринъ.